

Владимир Положенцев

Правда гончих псов

Виртуальные приключения в эпоху
Ивана Грозного и Бориса Годунова

Владимир Положенцев

**Правда гончих псов. Виртуальные
приключения в эпоху Ивана
Грозного и Бориса Годунова**

«Издательские решения»

Положенцев В.

Правда гончих псов. Виртуальные приключения в эпоху Ивана Грозного и Бориса Годунова / В. Положенцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858743-6

Дорога до планеты Энона в созвездии Гончие псы занимает десятки световых лет. Бортовой компьютер «Софокл» межгалактического корабля «Адмирал Врангель» генерирует исторический рассказ для спящего экипажа о том, как Малюта Скуратов — головной опричник Ивана Грозного, пытался добраться до самых вершин власти, не останавливаясь ни перед чем. Чтобы остановить Скуратова, по его следу идут стряпчий царя Василий Губов и помощник конюшего в Александровой слободе Бориска Годунов.

ISBN 978-5-44-858743-6

© Положенцев В.
© Издательские решения

Содержание

По следу Гончего пса	6
Где-то на Волге	7
В Слободе	12
Пробуждение первое	15
Злой умысел	18
Допрос	23
Хитрый план	29
Неожиданные повороты	37
Пробуждение второе. Неизвестность	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Правда гончих псов Виртуальные приключения в эпоху Ивана Грозного и Бориса Годунова

Владимир Положенцев

© Владимир Положенцев, 2017

ISBN 978-5-4485-8743-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

По следу Гончего пса

*«...Да будет только единая Россия. Ибо всякое разделенное
царство запустеет»*

Митрополит Московский и всяя Руси Филипп. 1566 год.

Где-то на Волге

Лодка мягко коснулась песчаного берега, однако человек в потертой замше, сидевший на корме, выразил недовольство:

– Молю ты каждый раз, Бакуня, не шустри на реке, боюсь.

– Удивляюсь тебе, Григорий Лукьянович, вроде ничего не стремишься, а от воды всегда дрожишь, как кот. Вот мне забавно, а еще чего пугаешься?

– Баб толстых, ночью придавить могут.

Вёсельник расхохотался, прыгнул на землю, подтянул лодку.

– Ну малость потряс, боярин, так тьма кругом – глаз выколи, извини.

– У кого тьма в башке, у того не просветлеет, – проворчал Григорий Лукьянович.

Тоже поднялся, старясь удерживать равновесие на раскачивающемся струге, шагнул не землю. Ощупал толстыми пальцами в перстнях несколько неровно обстриженную бороду – нет ли вошек. Какой день по обозам стрелецким да избам крестьянским, наберешься зверья. Вроде нет. Удовлетворенно почесал пухлую бородавку на переносице.

К лодке уже бежали люди с факелами. Впереди – высокий сотник в зеленом кафтане из атласа с мушкетом и кривой крымской саблей за широким кушаком с кистями. Мыски его розовых сапог загибались кверху, как у татарина. Намасленные пшеничные волосы свисали до плеч из-под высокой красной шапки, отороченной соболем. Лицо ровное, гладкое, как у девицы. Красив черт, отметил Григорий Лукьянович, явно из полка Васьки Бухвостова, там все такие душевные.

– С приездом, боярин, – поклонился сотник и представился, – кромешник Федор Лопухин.

– Всё ли готово? – устало спросил Григорий Лукьянович.

Стрелец замялся – не понял о чём интересуется боярин – то ли о тайной резиденции, которую почитай год взводили по его же, Скуратова приказу на не приметном волжском острове, то ли о вечерней трапезе. Ежели о резиденции, как называют жилище вельмож поляки и прочие немцы, то всё в лучшем виде. И хозяйский дом, и ночлежки служивых людишек – всё спрятано в холмах среди густых зарослей. Никто и не подумает. Стол тоже накрыт.

– Стерлядка копченая, белки жаренные, медовуха малиновая, водка анисовая, вино рейнское – всё тебя дожидается, – наугад сказал Лопухин.

В животе Малюты заурчало, сглотнул. Как вышел с войском из Полоцка, так в рот ничего приличного не попадало – хлеб да каша. И на том спасибо. Да уж, обобрали поместных дворян, развесили по деревьям попов, теперь и спрашивать не с кого.

– Не трапезничать сюда приехал, – хмуро ответил Григорий Лукьянович.

Он не любил своего прозвища – Малюта Скуратов. Скуратом звали и родича. А что о нём хорошего вспомнишь? Больно бил, ростом не наградил, денег и славы не оставил, самому пришлось на брюхе до вершины ползти. И дополз таки, Гришка Бельский. А Малютой его, то есть маленьким, первым Тимошка Полтев окрестил, что у царя в постельничьих бегал. И еще дразнился – «у тебя на все одна присказка – молю ты... Малюта ты есть». Добегался, Гриша ему хорошо отомстил. Еще когда в опричнине только пономарем значился, нашептал Ивану Васильевичу, будто Тимошка – плут на Марию Темрюковну глаз положил. Мария – еще та штучка, сама мужиков совращает, к себе в развратную избу таскает. Все знают и царь тоже. Но ревнует. И что? Заперли Тимоху вместе семейством и челядью голыми в избе, да бомбу пороховую внутри подорвали. Вот потеха была! Из окон, как куры общипанные вылетали, вперед задами, честному народу на потеху.

Повели по утопанной дорожке между крепких, пахучих сосен. Мохнатые ветви кололи боярское лицо. Несмотря на осень было тихо и тепло. Тучи сползли с луны, по реке побежала серебристая дорожка.

Копченая стерлядь и прочие яства затмили разум, из головы даже выбило зачем приехал. Остановился.

– Князь-то здесь?

– Владимир Андреевич со вчерашнего дня тут.

– Ладно.

Вход в избу-землянку был низким даже для скудорослого Григория Лукьяновича, набил себе шишку да еще споткнулся о порог. Зато внутри было отменно – просторно и богато. По стенам – литовское, польское, шведское оружие, рыцарские доспехи, голландские гобелены, на резных французских столиках – подсвечники, чернильницы и прочие красивые бронзовые безделушки, в углу – венецианский шкаф с китайскими фарфоровыми статуэтками. Малюта даже захлопал глазами – не ожидал такого чуда. Он любил заграничные штучки, но не позволял себе иметь их в Москве, государь не одобрял. Славно потрудились ребята.

Челядь тут же добавила по углам сальных свечей, поставила на стол обещанных сотником жаренных белок, копченую рыбу. Пододвинул высокий норманнский стул, устало сел. Отмахнулся от холопа с кувшинами мыльнянки и ароматного уксуса – чего руки-то мыть, не пытал сегодня никого, не марался.

Не стал даже давать пробовать еду верному тиуну Бакуне, набросился на неё жадно, как пес. Удовлетворив первый голод, запил прямо из малого бочонка медовухой, затем опрокинул чарку анисовой. Смачно икнул.

Краем глаза заметил, как в землянку вошел князь Владимир Андреевич Старицкий. Но сразу не обернулся, пусть знает, что не он здесь главный. Подумаешь, двоюродный брат царя, внук Ивана III. А он – Малюта Скуратов, вся Русь дрожит при его имени. Однажды, в третьем году, он уже хорошо осадил князя. Тот тогда в очередной раз захотел занять место Ивана. Малюта заставил дьяка Савлука, посаженного Старицким за воровство в тюрьму, говорить князя – мол предупредил полоцких воевод, о том что Грозный собирается осадить крепость. Иван Васильевич бросил братца в яму, но именно Григорий Лукьянович уговорил государя и митрополита Макария сменить гнев на милость – якобы по скудоумию князь свершил кознодейство. А когда Старицкого выпустили, сказал ему глядя прямо в глаза – помни мою доброту. Знал, что пригодится.

Раньше не время было напоминать, теперь оно настало.

Малюта не торопясь вытер рот и бороду, всё же встал, указал Владимиру Андреевичу на стул напротив. Князь был разодет, словно для церковного праздника: красный, вытканый серебром и золотом кафтан с воротником-козырем, горностаевая накидка, жемчужная корона на высокой шапке, именная сабля с перламутровой рукояткой в ножнах из марокканской кожи. Очи горят, готовые выпрыгнуть из глазниц.

Старицкий подозвал мальчика с мыльнянкой, омочил кончики пальцев, встряхнул ими несколько раз.

– Что ж, поговорим, – откинулся на спинку стула Малюта. Щелкнул пальцами:

– Пойдите прочь.

Изда тут же опустела от слуг. В дверях на время застыл сотник Лопухин, но и он выскочил наружу по кивку боярина.

Оба некоторое время смотрели друг на друга, будто пытались разглядеть подвох в глазах. Первым начал говорить Скуратов:

– Земство на твоей стороне, князь. И в опричнине теперь нет единства. Иван собирается просить у английской Елизаветы убежища.

– Братцу верить всё одно, что волку в лесу. Недаром на ваших опричных лошадях головы да хвосты волчьи повесил. На твоём коне не замечал, брезгуешь? Тоже ведь душегубец.

– Как есть душегубец, – согласился Малюта. – Только давай не станем бодаться. На тебе ить тоже зла немало. И родную мать не пожалел, поступился, в монастырь отдал, лишь бы самому живота не лишиться.

– Матушка Ефросинья самолично решила в Горицкую обитель податься.

– Ну да, ну да, – ухмыльнулся Григорий Лукьянович. – Ладно, знаю, что это она тебя тогда на заговор подбила. Не на тех положился, князь, не на тех. Ивану, конечно, верить нельзя. В прошлом годе, когда только обосновался в Александровой слободе, уже отрекался. Кто обрадовался, тот головы и не снёс – Петрушка Головин, Димка Шеверёв, Никитка Ховрин, эх...

– Ты ж, поди, головы и рубил.

– А куда деваться? Я и рубил.

– Вот потому и интересуюсь – чем же тебе, сердечному, царь не угодил?

Князь с явной издевкой произнес слово «сердечному», налил анисовой, перекрестившись, выпил. Неловко получилось. Часть водки пролилась на меховую накидку. Отряхнулся, выпил ещё, на этот раз проворно, продолжил:

– Из захудалых дворян в первые заплечники тебя произвел, боярином пожаловал. А ты козни супротив него замышляешь.

Малюта тоже хлебнул вина, отер бороду рукавом.

– Рюрик княжество русское создал, а он его нещадно разрушает. На Новгород собирается. Пожечь хочет. Я ведь родом с Волхова.

– Не пойму. То к английской королеве, то на Новгород. Совсем Иван рассудка лишился. Или что-то темнит?

– Темнил Василий II, потому как слеп был. А у этого ум ясный, спорый. Недаром любит в шахматы играть. Выдвинет под удар слона и ждет что будет. Ты хвать его – и в западне. А я что знаю, то и сказываю. Думаешь, ежели я главный опричник, он мне каждый день, будто попу исповедуется? Ха. Я для него такой же холоп, как и все. Да-а... Тебя и новгородцы хотят государем видеть. Стонут от Ивана. Все Российское царство стонет. Так-то.

– Знаю, все знаю! – обхватил вдруг голову Владимир Андреевич. – Новгород с отчаяния готов и польскому королю поклониться. Этот кровопийца не успокоится, пока всех в могилу не сведет. Собрать бы доброе войско! А что Курбский, ты с ним виделся?

– Встречался. Андрей хитер. Возле Полоцка крутится, а дальше не идет. Король Сигизмунд большую армию ему не дает. Хоть и привечает, да побаивается. Вдруг он лазутчик Иванов и против него шляхту повернет.

– Так что Курбский-то говорит?

Малюта встал, подошел к рыцарским доспехам, вынул из стойки длинный стальной меч. Он оказался такого же размера, что и Скуратов. Легко им взмахнул, сделал выпад в сторону князя. Расхохотался, глядя на испуг Владимира Андреевича. Вдруг отбросил старинный клинок в сторону. Тот с грохотом ударился о ливонский панцирь, прибитый к стене, вместе с ним упал на пол. В дверь просунул голову Лопухин. Рядом замелькала рыжая шевелюра Бакуни. Малюта показал им кулак и дверь тут же захлопнулась.

– Предатель он и есть предатель, – наконец сказал Малюта. – На Курбского нельзя полагаться. И что от него сейчас толку? Ну, приведет он польское войско, многие бояре сами ему кремлевские ворота откроют. Ну, станет Сигизмунд королем московским. Иван теперь не устоит. Думаешь, о тебе вспомнят? Хотя нет, вспомнят, первому голову снесут. Весь род Рюриковичей изничтожат. То мечта ляхов. А без Рюриков не было Руси и не будет.

Князь внимательно взглянул на Малюту. Верить в его искренность или нет? Все же однажды Скуратов его голову спас, да и выхода другого нет, приходится верить.

– Что же предлагаешь, Григорий Лукьянович? – тихо спросил он.

– Самим извести царя и немедля. Ты вот что, князь. Езжай в Александрову слободу и... донеси на себя. Упади в ноги Ивану – мол, поддался уговору земских бояр убить тебя, государь, вступил в сговор. Сдай хотя бы вон окольного Ваську Чёрного-Копытина с людишками, от него все одно проку нет. Скажи, он главный проходимец и есть.

– Зачем?

– Получишь расположение царя. Он же тебя в Романов سباгрил, а так рядом с ним, в Слободе побудешь. Его повар Малява жадный, как бес, за полушку змею оближет. А уж за 50 рублей...

– При чем здесь повар?

Малюта оторвал бок стерляди, жирными пальцами отправил его в рот. Рыбья густая слизь стала падать с бороды на кафтан, вытирал его рукавом. Ел аппетитно, с причмокиванием, как будто не деловой разговор был между ним и князем, а дружеская посиделка.

В очередной раз насытившись, рыгнул, запил малиновым медом.

– Бакуня! – позвал он.

В тот же миг перед столом вырос верный слуга, такой же огненно рыжий, как и его хозяин.

– Тащи сюда подарочек Курбского, – приказал Скуратов.

Бакуня исчез и довольно скоро вернулся. В руках он держал маленькую серебряную коробочку.

– Уйди.

Когда тиун пропал, Малюта положил коробицу перед князем.

– Передашь это повару.

Владимир Андреевич сощурился. Он был далеко не глуп, сразу понял что внутри. Скуратов уловил его мысли, кивнул:

– Венецианский яд. Им в свое время всех местных дождей перетравили. Действует не сразу, через седмицу, но наверняка.

– Что же сам не передашь?

– Малява на меня зуб имеет, я его супружницу иногда тискаю. Хороша баба, дураку досталась. Может со злости и донести.

– Боязно, Григорий Лукьянович.

– Ну тогда и сиди в своем Романове дурак дураком! – вспылil Скуратов. – А когда Ивашку изведем без тебя, ни на что не рассчитывай.

– Сам что ли царем станешь?

– Молю тя... Куда нам, – осклабился Скуратов. – Выдам, к примеру, свою среднюю Марию или Катюшку младшую за Димку Шуйского. Шуйские ведь тоже Рюриковичи.

– Все просчитал.

– А то! Без этого нельзя. Так согласен что ли?

В земляной избе повисла тишина. Только щелкали жиром толстые свечи, да скреблись за дубовыми стенами мыши.

– А ежели смута начнется? – сокрушенно помотал головой Старицкий.

– Непременно начнется, – потер в предвкушении руки Малюта. – Даже хорошо что начнется. Тут-то нам Андрюшка Курбский и пригодится. Придет с польским отрядом и утихомирит народец. Стрельцов подкупим. Многие из них и сами хотят, как за границей. Взойдешь на престол, словно по облаку небесному. Женишь своего Василия на одной из моих дочерей. Породнимся, Владимир Андреевич! Или брезгуешь с опричником, гончим псом связываться? Смотри, – вдруг зло зыркнул он на князя, – не прогадай.

На лице князя заиграла кривая улыбка. Под глазами натянулись морщинки.

– А не боишься прогадать сам, Гриша? Вот сяду на трон и первым делом велю сварить тебя в кипятке на Торговой площади.

– Не боюсь, Владимир Андреевич, не боюсь. Любому самодержцу мой талант понадобится.

– Палача?

– Ага. Кровь – любимая пища царей.

– Ладно! – ударил по столу красными он напряжения ладонями Старицкий. – Или пропадать или... Согласен! И все же неплохо, ежели бы Сигизмунд в ближайшее время войско хотя б на Тверь или Клин двинул, братца пощекотал. Дался ему этот Полоцк.

– Ливонская война теперь скоро не закончится. Об том еще поговорим, Владимир Андреевич. Коробицу-то не забудь.

На том встреча и закончилась. Выпив еще пару чарок анисовой, Малюта завалился спать, а чуть свет верный Бакуня оттолкнул лодку от острова.

Тем же днем боярин вновь присоединился к своему войску, которое по приказу царя ходило к Полоцку «отгонять проклятого Андрюшку Курбского». Позвал Бакуню. Взял за шиворот, дыхнул тяжелым ртом, сунул под нос сложенную вчетверо бумагу:

– Скажи наперед меня в Москву. Передашь сей донос думному дьяку Разбойного приказа Тимофею Никитину. Молю ты, чтоб ни одна душа... иначе твою выну.

– Обижаешь, Григорий Лукьянович, когда я тебя срамил?

– Ну, смотри, дворянский сын, – ласково, но больно потрепал Скуратов его рыжий чуб.

В письме, неровным, еле разборчивым почерком малограмотного Малюты было написано: «Сим сообщаю, что царский повар Малява вскоре получит от князя Владимира Старицкого ядовитое зелье для умерщвления государя Ивана Васильевича. Под пытками проказники укажут на боярина Григория Скуратова-Бельского, чему верить не потребно».

Глядя вслед Бакуни, Малюта удовлетворенно почесал бородавку на переносице: весь род Старицких выведет под корень, умоются кровью. Теперь Иван князю не спустит. А потом и за самого государя примемся. Мешаются под ногами Григорию Лукьяновичу Рюрики проклятые... Звезда Бельских скоро взойдет. Бояр только подлых прежде пощипать основательно надобно, в этом Иван мне пока союзник.

А князь Владимир Андреевич Старицкий был препровожден через длинный подземный ход на противоположный берег Волги, где быстрые кони домчали его до Романова. Пошутил над ним Иван Васильевич. Пару лет назад приказал переселять в город татар. Как хочешь так и разбирайся теперь с нехристями.

Через день, поздним листопадным сентябрем, княжеский обоз выдвинулся в Александрову слободу.

В Слободе

Колокол собора Пресвятой Богородицы ударил тяжело и протяжно. С черного купала сыпался первый, ненадежный снег. С крепостных стен Александровой слободы – новой резиденции царя, вспорхнули галки и вороны. Государь истово молился в подклете храма. Громко подъячий Оська бил именно для него, чтобы слышен был звон в тесном, сыром подполе, пахнущем мышами и могилой.

Иван стоял на коленях перед иконой Божьей матери. По правую руку к стене была прикреплена плащаница – Старица из мастерской-светлицы отравленной жены Анастасии. Вся Москва тогда по ней горевала, за гробом в слезах шла. Иван был уверен, что её извели бояре, ненавидевшие простолюдный род Захарьиных. Кто именно подлил нежной и добродетельной Настасьишке ртути, так и не дознался, хоть и изломал на дыбе немало народа. Извивались над углями Сильвестр с Адашевым, Трубецкие да Глинские, но на Андрюшку Курбского не указали. Но Иван знал – его рука. Шесть зим прошло, а забыть не в силах. И не Богородица теперь перед ним, а Анастасия.

– Прости, любезная, – шептал Иван, – что не уберег. Всю жизнь мстить за тебя буду. Дочь Темрюка душу не греет. Дика больно. Она ить избранный отряд создать насоветовала. Теперь сам боюсь своих опричников. Того и гляди на пики поднимут. Устал, нет мочи более.

Вытер рот рукой, сел перед иконой по-турецки, подпалил еще одну свечу. Дышать в тесной норе было тяжело, но он, обливаясь потом, терпел. Вдруг зло улыбнулся:

– Бояре надеются, к Елизавете сбегу, а они тут от радости плясать станут. Во! – показал он кукиш. – Не дождутся! О Руси думаю, не о себе. Пропаду и государство пропадет. Кто править будет? Сын Иван? Глуп слишком. Однажды предлагал, дума не согласилась. Двоюрник Владимир? Так он мозгляк, ничтожество, тут же Москву полякам сдаст. И прощай православная Русь, к церквям католические кресты приделают. Земские бояре князя поддержат, а опричники нет. Грызня начнется, смута. Володька в ней первым и сгинет. А-а... Захарьины из щелей повылезают. Как же – дочь их Анастасия с царем обвенчана была. А вот им, – царь опять сделал кукиш, – захудалый род, только при мне и поднялся, а теперь опять в язвине. Нет, не дождетесь!

Иван уже забыл, что разговаривал с Анастасией. Его всего трясло, на уголке рта появилась пена. Пнул ногой свечи под образом, оказался в крошечной темноте. Ударил кулаком в потолок:

– Отворяй, бездельник!

Люк в подклеть тут же распахнулся, в него просунул голову стряпчий Василий Губов:

– А чего темень-то?

– Тебя не спросили. Руку дай, дурень.

Выбравшись из подвала, царь снял скуфейку, оббил ее о плечо Губова.

– Думный дьяк Тимофей Никитин к тебе просится, – сказал стряпчий, отряхивая монашескую накидку царя. – Всю ночь, говорит, скакал не жалея коня.

Государь оттолкнул Василия, вытер скуфьей лицо, бросил на пол.

– Чего ему надобно?

– Не знаю, – развел руками Губов. – Тебя желает видеть по неотложному делу.

– Помолиться спокойно не дают, – проворчал царь. – Ладно, вздремну немного, потом приведешь.

– По неотложному! – поднял палец вверх стряпчий.

Царь сплюнул, вспомнив что в храме, перекрестился.

– Никакого покоя мне грешному. А ежели сбегу от вас к английской Елизавете, что будете делать, и там достанете?

– Не покидай, государь, пропадем.

– То-то. Бес с тобой, води Тимошку. Но ежели дело пустое, обоих велю комарам в лесу скормить. Али в пруду слободском утопить.

– Там и так уж рыбы на покойниках от жира лопаются.

– Пшёл! Ишь, осмелел, выхлест сучий.

Губов скоро поклонился, убежал. К государю вышли чернецы из-за алтаря. Иерей Евлогий нес серебряную тарелку с пресными просфорами для помина и причастия.

Иван покривился, полоснул злым глазом. Монахи тут же скрылись.

Колокол бил по голове, словно молотом.

– Звонаря уймите, разошелся! – крикнул он им вдогонку.

Поднявшись в тесные покои собора, государь, скинул черную накидку, выпил анисовой водки, погрыз яблоко. Улегся на топчан. Что это думного дьяка угораздило сюда ночью мчаться? Неужто опять бояре в Москве какое беззаконие учинили? А ведь ноги целовали – только останься. Сам архиепископ Пимен упрасивал. У-у поганое племя! Никому верить нельзя. Того и гляди отравят.

Царь поглядел на обгрызенное яблоко, поморщился, швырнул в беленую стенку. Оно разлетелось вдребезги о низкий свод настоятельской кельи.

И Филиппа по доброте душевной митрополитом сделал. «Да не будет опричнины, да будет только единая Россия. Ибо всякое разделенное царство запустеет». Тьфу! А я за что борюсь? Об чем и речь, надобно всех недовольных бузотеров в бараний рог свернуть, как вошек повывести, тогда не будет и разделения. За этим Филиппом глаз да глаз, первый мышьяка подсыпет.

Колокол смолк, повисла тишина. Мысли от водки постепенно успокоились. Кажется, даже задремал, когда в келью вломился стряпчий Василий. От хлопнувшей окованной двери Иван открыл глаза. Лицо Губова было перекошено, глаза вытаращены. Государь даже испугался, сел на топчане.

– Ну, где Тимошка? – подозрительно спросил он.

– Нету Тимошки, государь.

– Как так? Шутки шутишь?

– Помер думный дьяк Никитин.

– В своем уме, он что мертвый сюда приехал?

– Приехал-то живой, знамо, а тут и помер. Кинжалом зарезался. Тем, что ему в прошлую зиму посланник сибирского хана подарил. Такой, с костяной ручкой из древнего зверя. Баловался на столовом дворе и случайно напоролся.

Царь встал, схватил стряпчего за грудки. На камзоле Губова затрещали швы, отлетела одна застежка.

– Рядом людишки были, видели?

– Бориска Годунов.

– Кто таков?

– Сын вяземского помещика Федора Кривого. Парня сюда его дядя, жилец Дмитрий Годунов привел. Бориска на конюшне помогает. Говорит, кинжал из груди дьяка вынул, а уж из того дух вон. Весь в кровище измазался.

– Допросить и Бориску, и Дмитрия. Нет, я сам. В клеть пока. Тимошку обыскали, может при нем чего было? Зачем-то ведь прискакал.

– Лично осмотрел, государь. Ничего нет кроме мушкета, трех копеек, да мешочка с солью.

– Всё?

– Ну-у..., – помялся Губов, – за щекой золотой дукат угорский.

– Не об том, дурень.

– Более ничего.

– Зачем же он приезжал? Смута? Стрельцы замоскворецкие взроптали? Думные бояре, прознав что собираюсь Елизавете письмо писать, братца двоюродного на престол готовят? А Ивана мого и в расчет не берут.

– Так он тут.

– Кто? – выпучил глаза еще сильнее царь, так и не выпуская стряпчего.

– Князь Старицкий. Ворота за ним только успели закрыть. Со свитой пожаловал.

– Ему чего надобно, а?

Поняв, что Губов не ответит на этот вопрос, отпихнул того к двери. Но дверь уже открывалась. В келью, согнувшись чуть ли не пополам, вошел князь Владимир Андреевич Старицкий. Был он при параде – в дорогой золоченой накидке, высокой шапке с жемчугом. Затхлую келью наполнил аромат заморских благовоний. Кланяться не стал, приложил руку к сердцу. Стряпчий, не дожидаясь приказа, неслышно выскользнул из покоев.

– Не ожидал, – первым заговорил Иван. – Водки хочешь?

– Хочу.

– С чем пожаловал, за матушку просить станешь? Так, сказывают, ей хорошо в монастыре.

Князь сам налил себе водки.

– А ежели просто поведать решил, нельзя?

Царь ухмыльнулся, тоже выпил.

– Смотрю на тебя, Иван, и удивляюсь, – сказал Старицкий, – рубишь со своими опричниками головы направо и налево, а врагов у тебя меньше не становится. Может, и вправду тебе лучше к Елизавете податься?

– А-а, – повеселел государь, – решил прямо здесь от меня шапку Мономаха получить. Что ж, я не против. Отказную грамоту теперь и напишу в твою пользу. Завтра князь Мстиславский в Слободе обещался быть. Он от zemства бумагу печатью и скрепит. И Собор созывать не придется. А сам сей же седмицей в Англию отбуду. Надеюсь, королева и без уведомления примет.

Хлопнул в ладоши. Когда появился Губов, велел:

– Тащи перо, чернила и бумагу.

Но князь вытолкнул стряпчего вон.

– Не время комедию ломать, братец.

Положил на стол маленькую серебряную коробочку.

– Что это? – нагнулся к ней царь.

– Яд для тебя, государь. Византийский. Я его должен передать твоему повару Маляве. А надоумил меня в том твой верный гончий пес Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский.

На Александрову крепость вновь обрушился снегопад. На этот раз настоящий, зимний. Поднялся сильный ветер. Он носил над Слободой тучи из белых хлопьев и желтых листьев. В высокое окно кельи, где сидели Рюриковичи, ударилась запыленная ворона и с диким карканьем унеслась прочь.

Пробуждение первое

– Забавная история, – сладко, до хруста в суставах потянулся продюсер Петя Вельяминов. Нажал на кнопку шкафа с напитками, выбрал кофе «руссиано». Когда-то напиток назывался «американо», но один из отечественных премьер-министров когда-то в шутку предложил его переименовать в «руссиано», название так и осталось. – Чем она закончилась, нашли убийцу думного дьяка Никитина?

Его коллега журналист Илья Плетнев рассматривал объемное изображение двойной звезды Сердце Карла в скоплении Гончих псов. Перед первым коротким сном, когда выходили из Солнечной системы, он рассказал приятелям историю, услышанную от профессора Давыдова. Историю о том, как Малюта Скуратов вроде бы готовил заговор против государя всея Руси Ивана Васильевича. Профессор собирался написать роман на эту тему, но не успел, умер, оставив после себя лишь начальные наброски. И те сохранились лишь в памяти Ильи. Почему рассказал? Оператор Юра Головин всегда приставал к нему в минуты безделья – «наплети чтонибудь, Плетнев, у тебя язык без костей». Почему именно о Скуратове? Что первое пришло на ум, то и рассказал. Возможно, потому что Скуратова-Бельского в свое время тоже называли Гончим псом, как и созвездие, к которому летели. Вернее, к звезде Чара в этом созвездии. А если точнее – к планете Энона. Древнегреческая нимфа Энона была прорицательницей, по её вине погиб муж Парис, который в ней души не чаял. Она то ли отказалась его вылечить, то ли отравила. Потом, кажется, и сама повесилась. Словом, темная история, как и с покушением на Грозного.

– Не знаю чем закончилась, – пожал плечами Илья. Тоже налил себе кофе, вновь сел за квантовый компьютер. – Меня больше беспокоит – не напрасно ли мы летим за 27 световых лет. Что они там за Центр биорепродукции придумали?

– А по мне все равно куда лететь, – поднялся со своего кресла Юра Головин. – Все лучше, чем на Земле от безделья изнывать или по спутникам Юпитера лазать. Надоело, уж всё обсопали. Ну ладно еще, когда командировка в недра Европы, есть что поснимать и суточные хорошие. А если опять по заводам на Каллисто, Ганимеда и Ио... Тьфу. Уж лучше в другие системы. Сколько нам еще?

– Сто раз уже спрашивал, – поморщился продюсер. – Два сна по тринадцать лет. И три дня бодрствования. К следующему вторнику будем. Обратно через червоточину облака Оорта, вернемся в свое время на Земле. Ну, может, с разницей в неделю. Как в прошлый раз, когда летали к Сириусу.

– Ну да, – хмыкнул Головин, – так я и поверил. С Сириуса почти на полмесяца задержались. Прилетели, а у меня уже весь виноград на даче обсыпался.

– У тебя винища и так на сотни лет уже припасено, – засмеялся Плетнев. – Скоро печень менять придется.

Головин самодовольно заулыбался:

– Ну и поменяю, слава богу, наука не стоит на месте. А тебе бы голову заменить не мешало. И почему вы, журналисты, все такие глупые?

Они часто пикировались, но незлобиво. Друзья к этому привыкли и не обращали внимания.

Оператор подошел к компьютеру журналиста, ткнул пальцем в альфу Гончих псов. Палец провалился в желтую пылающую плазму. Увеличил голосом изображение. Звезда начала переливаться синим цветом в оранжевых протуберанцах, вокруг неё стали заметны серые, безжизненные планеты. Рядом – желтый карлик, очень похожий на Чару.

– Гравитация у Сердца Карла очень большая, как бы не притянула, – сказал Илья.

– Тоже мне, специалист, – ответил Юра. – Пусть команда голову ломает, ей за это деньги платят.

Команда корабля – пилоты и техники, находилась в верхнем отсеке. Со съемочной группой телеканала «NN» – «Новости науки» практически не общалась. Все рекомендации телевизионщикам выдавались через бортовой компьютер «Софокл».

– Так и со скуки с вами помереть можно, – вздохнул оператор, вызвав на экран уже Чару. Вокруг нее вращались три планеты. Энона выделялась зелено-голубым цветом.

– Неужели правда, что на ней дышать можно, как на Земле?

– Ну, а как там по-твоему люди живут? – налил себе еще кофе продюсер Вельяминов.

– Откуда я знаю, может, они уже мутанты.

– Атмосферу еще в прошлом десятилетии создали на подобие земной. Какой ты все же занудный, Юра, – поморщился журналист.

– Занудный, не спорю, – охотно согласился Головин. – Вот и расскажи снова что-нибудь интересное. А то скоро опять спать.

– Найди себе в базе интересный сон, закачай в свой чип. Развлечешься.

– Да там ерунда какая-то банальная. В прошлый раз несколько советских фильмов загрузил. За главных героев выступал, такого наколбасил! У меня все актрисы – от Мордюковой до Федоровой голыми бегали.

– Кто бы сомневался. Теперь по Голливуду вдарь, – посоветовал продюсер.

– Скучно всё это, – тяжело вздохнул Юра. – Хочется чего-нибудь необычного.

Вдруг глаза его загорелись.

– Друзья! – подскочил он. – А что если... Меня тоже позабавила сказка про Малюту Скуратова и князя... как его?

– Старицкого, – подсказал Илья.

– Во-во! Хочу узнать, кто дьяка уколошил.

Мысли оператора сразу уловил Петя.

– Желаешь в 16-ом веке теперь во сне покуролесить?

– Почему бы и нет?

– Я бы тоже не отказался, – почесав нос, сказал продюсер. – А давайте, в самом деле, нырнем все трое в Александрову слободу.

– Александрову, – так ее тогда называли, – со знанием дела поправил коллегу журналист.

– Ну да. Каждый проведет свое исследование, а потом обменяемся впечатлениями. Только заранее нужно сделать себе установку – без глупостей, чтобы все по-серьезному.

– У нас нет программы, которую можно загрузить в мозговой чип.

– Нет, так будет, – хлопнул по плечу Илью Юра. – Запишем твой рассказ на файл, добавим к нему исторических фактов из сети, чтобы не плавать по фамилиям, местам и датам, и каждому загрузим в базу. Ну?

– Да, но всем троим нужно будет выступать в одном образе, – задумался Плетнев.

– Малюты или Старицкого?

– А какой смысл? – округлил глаза Петя. – Я еще со школы помню, что Скуратова убили в январе 1573-го года при штурме какой-то крепости. Мы в любом случае подсознательно будем упираться в тот факт, что царем он не стал.

– Князь Владимир Старицкий! – дал команду «Софоклу» Юра. – Ага... Казнен вместе с большей частью семьи в октябре 1569 года... Стоп, здесь сказано – под пытками показал, что через царского повара собирался отравить Ивана Грозного. А по твоей версии, Илья, князь сам рассказал царю о том, что Малюта передал ему коробку с ядом.

– По версии профессора Давыдова. Но факт-то имел место.

– Путаница. Хотя, тем интереснее будет. Так за кого играем?

– Наверное, за стряпчего Губова, – не уверенно ответил сказал Илья. – Он же сообщил царю, что случайную смерть дьяка видел Годунов. Не исключено замешан.

– Хм. Годунов..., – оттянул мочку уха продюсер. Он часто так делал, когда думал. – А потом царевич Дмитрий в Угличе якобы случайно зарезался. Я всегда представлял Бориса, как в опере – в царских одеждах и со скипетром. А он оказывается в Слободе лошадям хвосты заносил. Может, опять твой профессор что-нибудь напутал? Так... ну-ка, дружок, выдай нам про Годунова.

Когда на виртуальном экране появилась информация, все трое внимательно стали ее читать. Первым голос подал журналист:

– Что ж, здесь все сходится. По рассказу Давыдова действие происходит в первый год пребывания Ивана Васильевича в Александровой слободе, то есть в 1566 году. Тогда Борису было 14 лет. Самое место на конюшне. А опричником он стал уже в 18. Профессор не погрешил против истины.

Стряпчего Василия Губова в сети не нашли. Но все сошлись на том, что оно и к лучшему – никаких фактических ограничений, широкое поле деятельности.

– Так кто за кого? – горящими глазами окинул приятелей Юра.

Оба приятеля лишь пожали плечами.

– Ладно, на месте сориентируемся. Все же забавно потом будет сопоставить наши расследования. Чем черт не шутит, мало ли, может, и докопаемся до истины. Вдруг мы невзначай подключимся к Единому информационному полю?

– Юра, давно доказано, что его не существует. Это все домыслы псевдоученых прошлого века, – сказал Илья.

– Не верю я этим ученым, – проворчал Головин.

Он ушел на свое рабочее место и через Всемирную сеть вывел изображение с камер, установленных на его даче в Тверской области.

Сигнал с Земли уже шел с большим, почти суточным запозданием, но Юру это вполне устраивало. Он любовался, как искрят на солнце спелые грозди его черного винограда.

Злой умысел

Почему повара Горыню Смелова прозвали Малявой, он и сам не знал. По его телосложению да и имени, ему больше бы подходило прозвище Гора. Он был огромен, как медведь и такой же свирепый на вид. Но именно на вид, душу он имел добрую и покладистую. При этом обладал острым, поворотливым умом, знал как своего добиться, всегда твердо стоял на своем. И отменно готовил. Особенно славными у него получались калья на капустном расоле из окуней с белорыбицей, кулебяки с заячьей требухой, печеные лебеди в особенных отварах из только ему ведомых трав и ягод. Ну и, конечно, варенье. Царь обожал варенье, да необычное, из огурцов. Пузатых, в пупырышках, уже с желтыми боками. Этим и подкупил Ивана Васильевича Горыня.

Целовальник Смелов держал небольшую корчму за Белым городом. Во время войны с Казанским ханом мужского народа в Москве почти не осталось, обложили тяжелыми пошлинами. Еле перебивался, не раз писал малявы в Большой приход, чтобы хоть на два рубля в год снизили ему подать. Любил считать монету, обожал её, ничего не скажешь. Может, потому и прозвали его приказные людишки Малявой – всем своими челобитными надоел. А уж когда войско вернулось из Казани совсем стало неважно. Наливай опричникам хлебного вина бесплатно, да еще накорми сытно. Далее еще хуже – продавай водку и крепкий мед только в царских кабаках. А за винный откуп заплати столько, что и на обноски не хватит.

Совсем уж было отчаялся Горыня. Но как-то в его корчму, волею судьбы, заглянул, возвращаясь то ли из Казани, то ли из Астрахани, государь. Как попробовал угощения Горыни, так и растаял, хотя зело был не в духе.

Прошло время. Однажды молодая царица Анастасия захотела отведать чего-нибудь необычного. И Грозный вспомнил о Смелове, велел привести в Кремль. Смекалистый Горыня прихватил с собой целый воз продуктов и напитков. На столовом дворе командовал челядью, как будто здесь обретался вечно. Главный государев чашник и он же повар Иван Прокоп смотрел на него с ненавистью и удивлением. Сам был расторопен, но такого шустрого еще не видал. Кулебяки с зайчатинной и яичный торт в виде Спасской башни понравилась царице, только вот от огуречного варенья она покривилась. Зато Иван Васильевич съел его чуть ли не целую кадку и велел наварить еще.

Так и прибился Малява ко двору, ублажая государеву семью и вареньями, и медовухой, и особым вином Мушкатель. Это было сладкое римское вино, которое Малява настаивал на мускатном орехе с крапивой. Настаивал в холодном погребе на льду по десять дней к ряду, потом выставлял к печке на седмицу и снова в лед. А чашник Иван Прокоп в тот же месяц внезапно умер. Говорили, что от сильного расстройства по причине отстранения от царского стола. Но умирал он неделю и всё это время из его рта шла желтая пена.

В первое время непросто пришлось Горыне, все же не привык справляться с таким количеством столовых людюшек. А ведь царь любил закатывать званые обеды на целый день с сотней блюд, с огромным количеством народа, да каждый раз требовал необычные, диковинные яства. Малява из сил выбивался, но выдумывал, удовлетворяя не только царя, но и гостей.

Теперь, с переездом в Александрову слободу, все изменилось. Пиршества прекратились, а государь, облачившись в монашескую схиму, требовал себе простую пищу. Новая же царица Мария имела своего повара и жизнь Смелова стала размеренной и спокойной. Государь пожаловал ему дворянство, разрешил без откупа держать два питейных кабака в Москве – тот, за Белым городом и в Зарядье.

В Слободе, как правило, в последнее время почти ничего не происходило. Царь чуть ли не целыми днями молился, иногда принимал людюшек из разных приказов. Некоторые из них –

Разрядный и Посольский уже переехали сюда из Москвы, но находились они за кремлевскими стенами, в посаде.

А тут произошло неслыханное – примчавшийся из Разбойного приказа Тимофей Никитин напоролся на свой собственный кинжал. Конечно, с кем беды по глупости не случается, но дьяк-то прискакал по какому-то срочному делу. Орал тут на весь двор – «Желаю немедля к царю!» Ну да, замухрышка выискался, «желаю», да еще «немедля». Обожди пока государь сам соизволит позвать. Велено было Тимошке на летней кухне переждать – там, где опричники и стрельцы из поместного ополчения кормятся за одним большим столом под лыковым навесом. Малява тогда в пекарне находился. Хотя и готовил еду для Темрюковны её повар, тоже из Кабарды, злой как собака Абу, но сладкие пироги она просила печь только Маляву. И вдруг дикий крик.

Выбежал из пекарни Смелов весь в муке и меде, а у стола дьяк валяется с кинжалом в груди, ногами дергает, хрипит. А рядом Бориска Годунов с конюшни. Увидал повара и тут же кинжал из Никитина выдернул. Кровища из того фонтаном, всю скамью залила.

– Что ж ты наделал! – в ужасе закричал Малява.

Бориска поворотил на него свое смуглое, с большим крючковатым носом лицо. Его темно-карие, несколько раскосые, как у татарина глаза, были абсолютно спокойны.

– То не я, Горыня Михайлович, он сам себя зарезал.

– Как так?

– За водой я на пруд лошадям ходил, – Борис кивнул на полные ведра у стола. – Он еще пошутил надо мной – что, говорит, парень, похмелье мучает? И заржал сам, как конь. А когда вертался, гляжу дьяк ножик свой в кружок на земле бросает. Кинжал не острием, а рукояткой воткнулся. Он пошел к нему и оступился. Прямо на лезвие и напоролся. Перевернул я его, а он, вон, уже только булькает.

– Булькает, – передразнил Малява. – Теперь готовься к избе пыточной. Кто тебе поверит. Дьяк-то сломя голову к царю мчался, донесение, видно, важное имел.

– Ну-у, дела ёндовые..., – сказал, появившийся за спиной повара стряпчий Василий Губов.

Оттянул дьяку уже тяжелые вики, пощупал ладонью под подбородком. Выругался. Затем начал его обыскивать. На стол кинул монеты (одну, вынутую изо рта дьяка, незаметно сунул в карман), мушкет, мешочек с солью. Более ничего не найдя, направился к его коню. В мешке под седлом с метлой тоже ничего особенного не нашел – ржаная лепешка, да фляга с водой. Три раза свистнул. Тут же прибежали охранные кромешники.

– С этих двоих глаз не спускать! Тело в ледник.

А вечером, когда закончилась осенняя снежно-дождевая круговерть и уже зазвонили к вечерне, стряпчий пришел к Маляве.

– Разговор серьезный есть.

– Ну, выкладывай, – насторожился Горыня. Он не любил Губова. Все людишки, слишком близкие к царю, опасны. Сам-то Малява, хоть и пользовался расположением государя, ближним человеком не считался. И был очень рад тому – чем теснее к огню, тем жарче становится, так и сгореть недолго. Это он прекрасно знал, как повар.

– Не здесь. Приходи вскорости в кабак, что на окраине посада.

– В тот, где на двери висит отрезанная башка бывшего целовальника Хомки?

– Да. Вишь, вором оказался, кромешники не сдержались.

– А ежели не приду?

– Дурнем будешь. Свою выгоду упустишь.

Малява, перебравшись вместе с государевым двором в слободу, хотел прибрать к рукам эту корчму. Вернее, сделать целовальником своего двоюродного брата Акима. Но так как

все питейные заведения теперь стали государевыми, без согласия Ивана Васильевича было не обойтись. Когда царь услышал просьбу повара, ухмыльнулся:

– Я с местничеством и кумовством бьюсь, для того и опричину создал. А ты хочешь, чтобы ради тебя я великое начинание предал? Что ж, бери кабак, а я сейчас же пойду сдамся кромешникам, пусть меня за измену пытаются.

– Что ты, государь! – упал в ноги Ивану Малява. – Прости блудяшку неблазного.

В темном, затхлом кабаке, пропахшем гнилой капустой и перегаром, гуляла стрелецкая десятина из мордвин, казаков и татар. В углу, у двери в кабацкий погреб, были сложены их пищали. Они то спорили, почти до драки, то обнимались, говоря на самых разных диалектах, при этом прекрасно понимая друг друга. Пили крепкое хлебное вино, которое после начала Ливонской войны, на польский манер стали называть водкой, закусывали рыжиками и кашей. Десятник, выделявшийся особым, сложновытканым узором на синем кафтане, пытался привлечь к себе внимание, произнести что-то значимое, но на него никто не обращал внимания. Каждый раз после неудачной попытки, он укоризненно тряс головой и, раскачиваясь на некрепких ногах, опускался на лавку.

Когда вошел стряпчий Губов, один из стрельцов случайно выплеснул на его синие дорогие сапоги кружку с вином. Хотел было схватить нахала за шиворот и дать в морду, но передумал – не для того пришел, чтобы норов показывать. К Василию тут же подскочил целовальник Дементий, расторопно протер ему сапоги тряпицей, подпихнул локтем неуклюжего стрельца:

– Ну, басалай, уймись, не видишь кого мараешь!

– А что? – уставился мутным глазом стрелец на стряпчего. Вроде признал, а вроде и нет. На всякий случай кивнул, молча сел за стол.

– Водки? Рыжиков? Бараньих желудков? Прогнать бездельников? Московские стрельцы рядом, в момент этих вышибут, – кланялся кабатчик.

– Не надобно, позову, – ответил Василий.

Он прошел в дальний угол избы, где за массивным, потрескавшимся столом его поджидал Малява. Одет он был в черный грубоотканый балахон, завязанный тесемками под самым подбородком. На голове глубокая войлочная шляпа, какие носят местные крестьяне.

Вот ведь вырядился, – усмехнулся про себя Василий. – Прям лазутчик короля Сигизмунда Августа.

Перед Малявой стоял штоф то ли с медовухой, то ли с водкой и одна кружка.

На мою душу ничего не заказал, жаден как бес, – отметил стряпчий.

– Закуску себе что ли бы попросил, – сказал Василий.

– Зачем звал? – не поднимая глаз, спросил Горыня.

– Я тоже не люблю пустых слов.

Подозвал, глядевшего на него собачьими глазами целовальника, велел принести полштофа водки.

– Гороха с баранинкой, грибочков? – согнулся перед Губовым кабатчик.

Василий был в силе, единственный человек, которого так долго, почитай три года, держит при себе стряпчим царь. Прежних давно уже вороны склевали. Все это в слободе знали, опасались Василия Губова и за то не любили. Поговаривали, что Васька тайно ублажает похотливую Марию Темрюковну. Благодаря тому и держится. Однажды слух докатился до царя. Тот без слов огрел Василия посохом, поднес кинжал к правому глазу:

– Истину ли сказывают про тебя, вымесок?

Василий собрал волю в кулак, знал – ежели дрогнет, точно конец. Спокойно ответил:

– А тебе что? Ты ведь Федьку Басманова привечаешь. Уж лучше пусть Мария со мной утехам придастся, нежели с черкесами али татарами. Потомство хоть русское народится. Глядишь, нового царя настрогаем.

Государь оторопел. Такой дерзости он не ожидал. Да, разум терял от черных кудрей Федьки и его белых, тонких, как у девицы, рук и шеи. И в деле смыслит. Это он, Басманов, через своих родственников Плещеевых, уговорил Земский собор продолжить войну с Сигизмундом. И впрямь, с Балтийских земель дань знатную собирать можно, с наших то что возмешь...? Никто ить не видал, как он с ним милуется. Только этот бес Васька знает. Нос длинный, как у ежа. Ишь, разошелся, осмелел, болдырь.

Потом вдруг расхохотался, отбросил кинжал:

– Смотри у меня. И тебя и Машку велю в пруду утопить. Блудлива княжна Кученей, да умна. Хоть и не любя, но нужна. Пока. От тебя все одно не потерплю... Ишь вздумал государя дурить... А Федька так, забава, не тебе нос совать, отрежу.

Василий зло взглянул на целовальника:

– Будешь надоедать, за вино денег не дам.

То ли пошутил, то ли правду сказал. Кто его знает.

Дементий сразу растворился в темном смраде корчмы, как тать перед крестом. Через мгновение принес полштофа и вновь скорее прочь. Пугливы были дворянские дети, державшие теперь царские кабаки. Всё ведь лучше водкой опричников и стрельцов поить да деньгу немалую зашибать, нежели в военных походах вшей кормить.

– Ну, а теперь слушай меня, Горыня, – назвал повара Василий по имени.

Тот хрюкнул, отхлебнул из кружки вина.

– Войне с ляхами и литовцами конца и края нет. Знаешь ведь, что Собор приговорил не уступать противнику «Ливонские земли городов». А наш царь Московский и всея Руси Иван Васильевич собрался... бежать к королеве Елизавете. Разумеешь?

– Разумею, – спокойно, ни чуть не удивившись ответил повар. – Не у тебя одного уши имеются. Все об том уже знают, письмо надумал писать.

– И что тогда будет, ежели убежит?

– А я почем знаю? Думные бояре князя Владимира кликнут али сына Ивана. Земские-то за князя.

– Тебе все одно? Вон, при Иване Васильевиче-то как бока отъел, а кому ты будешь опосля нужен! Или надеешься государь тебя с собой к англам возьмет?

– Да чего от меня надобно-то?! – вскричал Малява и задел широким рукавом штоф. Он с грохотом упал на грязный пол, разбился. Целовальник у стойки вытянул голову. Василий наполнил кружку повара из своей бутылки.

– Думаешь, почему царь всякие несуразности творит? Болен сильно.

– Болен? Чем?

– Хмарь бесовская напала. Загниванием крови страдает.

– Господи, сохрани, – мелко перекрестился Малява. – А тебе откуда вестимо?

– Лекари венецианские государя тайно навещали. Оставили зелье целебное. Но царь наотрез отказывается его принимать. Отравят, говорит, латиняне. Вот.

Василий вынул из камзола серебряную коробочку, положил на стол.

– Здесь порошок чудодейственный, который вылечит царя и вернет ему разум. Последняя надежда.

– Отчего же уверен, что не отравя?

– Сим зельем уже вылечили Шуйских, Голицыных и Вяземских. Давно бы уже пропали. Получишь 50 рублёв, ежели каждый день будешь тайно подсыпать сей порошок в еду Ивану Васильевичу.

– Та-а-ак, – протянул Горыня и надолго задумался.

Наконец поднял на Василия свои тяжелые, в красных прожилках, медвежьи глаза.

– По-о-нятно. Все понятно.

– Что тебе понятно, пехтук?

– А ежели сейчас опричников кликну? На дыбе будешь червем извиваться. Ведь не иначе, как Ивана Васильевича извести решили. Злой умысел сотворили.

– Фовань ты глупая, к чему мне своего благодетеля изводить? И стал бы я тогда с таким дурнем как ты связываться? Говорят тебе зелье целительное.

– Целительное, говоришь? Ну, ладно.

Малява взял в руки коробочку, внимательно осмотрел со всех сторон. Открыл и вдруг отправил щепотку серого порошка себе в рот.

Допрос

Иван Васильевич влетел в пыточную избу, как будто за ним гнались собаки. Находилась она сразу за задними воротами Александрова кремля. По началу проказников ломали в подвале Покровской церкви, но митрополит Филипп воспротивился – «что же кровь-то лить там, где богу молимся!» Пришлось строить пыточную снаружи. Назвали Разбойным приказом, хотя фактически он вместе с дьяками и подьячими пока находился в Москве. Оттуда и прискакал Тимофей Никитин.

Бориска Годунов и его дядя Дмитрий сидели на лавках со связанными сзади руками по разным углам. Посередине просторной избы, пахнувшей еще свежей сосной, был поставлен стол дознавателя, за которым разминал желтые пальцы заплечных дел мастер, опричник Петр Хомутов. Над ним – круглая балка с перекинутой через неё веревкой. Внизу – не оструганное бревно, чтобы привязывать к ногам воров. Он вертел в руках кинжал с костяной рукояткой, которым якобы случайно зарезался дьяк Никитин.

Хомутов не применял каких-то особенных пыточных приспособлений. Обычно использовал длинную плетку с тремя крючками на концах, вымоченную в водке. В редких случаях – чугунок с крутым кипятком или железный веник. Но почти все изменники и колоброды, подвешенные на дыбе, уже после первого или второго «уговора» кнутом развязывали свои языки. Попался, правда, один крепкий – дворянин Иван Спорый – хотел к Сигизмунду сбежать, предупредить, что Грозный собирается в очередной раз двинуть войско на Вильно. Выдержал Ванька аж семь ударов, а потом, в кровавых соплях, и сознался. Выдал всех своих подельников, в том числе и трех дочерей пяти лет отроду. А также приплел Федьку Басманова и Марию Темрюковну со всей её дворней. Пришлось утопить поскорее с глаз долой в пруду слободском вместе с его девками. Жену на кол посадили только через седмицу, так, на всякий случай.

Государь подошел к печи, где томились на углях железные прутья в виде веника, приложил к ней ладони. Что-то мерзнуть в последнее время стал. На дворе хоть и снег, но тепло. Не иначе, уже отраву подсыпали. Он ждал Ваську Губова, который встречался в кабаке с поваром Малявой. Согласится на измену али нет?

Идея предложить яд Маляве в виде целительного порошка для царя, принадлежала Василию. Стряпчий ввалился без приказа в келью собора, когда Иван Васильевич беседовал с братом Владимиром Андреевичем.

– Надобно этот порошок Маляве передать, посмотрим что творить станет, – выпалил он.
– Подслушиваешь, пес?
– Он дело говорит, – остудил гнев царя Старицкий.
– Только князю это делать не следует, – продолжил скороговоркой Губов. – Узнают слухивые и жильцы, все перевернут. Сейчас земство будоражить ни к чему. Я повару и предложу.
– К чему тогда о целительном снадобье сказывать? – сдвинул брови Иван.
– Малява, конечно, не поверит, что зелье полезительное и ежели возьмет...
– Ну, повесим его за ребра. А дальше? Не он же злодейство удумал. Малюта, сучий сын, живьем в землю закопаю.

– Ежели повар окажется облуднем, себя на будущее убережешь, – ухмыльнулся князь. – Еще один прыщ выдавишь. Тебе же забавно это делать.

Глаза царя зло сверкнули. Не хватало прямо сейчас ссоры, – подумал Губов, а потому поспешил сказать:

– Есть задумка, государь. Но позволь сначала первую хитрость исполнить.

Царь так долго держал руки на горячих камнях, что обжегся. Схватился пальцами за уши, втянул воздух сквозь редкие зубы. Оправил пегую, короткую бородку, такую же, как и у его

главного теперь врага Сигизмунда, прошел к столу заплечника. Не глядя опустился на стул рядом и тут же подскочил, охнул. Сиденье оказалось утыканным острыми гвоздями. Отпихнул ногой, второй стукнул по крепкой ляжке Хомутова. Тот подскочил, испуганно выкатил глаза:

– Что, что, государь?

Покряхтев, Грозный жестом велел освободить место за заляпанным чернилами столом, сел. Пред царские очи опричник тут же притащил обоих Годуновых, бросил на пол у стены. Царь внимательно их оглядел.

Обычно Иван Васильевич имел удивленно-печальный взгляд, как будто он постоянно дивился несовершенству мира и по поводу этого несказанно страдал. Теперь же глаза его были полны лишь любопытства – как эти тщедушные людишки посмели против него что-то замыслить? Так смело и дерзко, под носом у преданных опричников, совершить кознодейство! Преданных? а преданны ли? Никому верить не потребно, даже себе, а уж другим и подавно.

Борис и Дмитрий оба были худы и желты узкими лицами. Похожи на братьев-близнецов, только разного возраста. Старший Годунов – наполовину сед, без бороды, начисто брит, как немец. У юного еще только начали пробиваться под носом усики. Глаза и у того и другого сургучовые, с небольшим татарским раскосом. Но у Дмитрия пустые, наполненные ужасом, у Бориски же умные, неподвижные, даже с некоторым вызовом. Крепкий орешек, – подумал государь. – Жаль, ежели вором окажется. Такой человечек может быть зело полезен.

Царь взял кинжал, внимательно его осмотрел. Потрогал резную рукоять, сжал в кулаке. На ладони под большим пальцем появилась вмятина от выпуклого узора в виде головы то ли рыбы, то ли какого-то зверя. Ежели с силой воткнуть в человека через защитницу, непременно останется царапина или синяк.

– На Тимошке кольчуга была? – спросил он заплечника.

– Нет, государь, только кожаный доспех из пластин. Меж них клинок и вошел, – сразу догадался Хомутов о чем ведет речь царь.

– И глубоко вошел? – обратился теперь Иван Васильевич к Борису.

– По самую рукоять, – четко, не отводя взгляда, ответил юноша.

– Руки покажи.

Царь не поленился, встал, внимательно их осмотрел и даже ощупал. Ничего на ладонях не было, кроме небольших мозолей. От дровяного колуна или от ведер с водой, понял государь.

– Зачем же ты, молодец, Тимошку убил? – взял царь Бориса за подбородок. – Он ить мне важное донесение вёз. Видно, враги супротив меня чего-то замыслили. А теперь и не знаю что.

– Не убивал я приказного дьяка, государь, – твердо ответил Борис. – Твои враги – мои враги. Коли сомневаешься, возьми мою жизнь.

– Щедро, – ухмыльнулся Иван Васильевич, а сам подумал, – ишь ты, шустрый какой. Приятный. Окажется ни при чем, приближу. Федька Басманов ему из ревности, правда, очи карие выцарапает, ха-ха. Вон какие очи. Ух!

– Не убивцы мы! – вдруг дурным голосом завопил Дмитрий и пополз к царю.

Тот отпихнул его ногой, второй с размаху ударил в лицо. Из носа жильца Годунова брызнула кровь, попала на черную накидку царя. Это его жутко разозлило. Кивнул Хомутову.

Опричник тут же лихо продел веревку меж связанных рук Дмитрия, тяжело ударил в грудь, крутанул ворот дыбы. Суставы в плечах Годунова затрещали, он судорожно стал бить мысками сапог по полу.

Высоко Петр его не поднимал, закрепил веревку на шкворне, разорвал ему рубаху. Отошел, примерился пятипалой плеткой с когтями. Два раза размахнулся, на третий стегнул.

Бедняга сначала закричал, потом завыл. На спине и боку появились кровавые полосы, будто тигр подрал. После второго удара Дмитрий уронил голову на грудь. Хомутов опять примерился, но царь его остановил:

– Дай-ка я, разохотился.

Вынул из печи раскаленный веник, встряхнул, подошел к Дмитрию. Тот поднял голову, но увидев красные прутья, опять бессильно её свесил.

– Не перестарался, Петька?

– В самый раз. Ну, сказывай, собака, об чем тебя царь спрашивает!

Иван Васильевич пока ни о чём Дмитрия не спрашивал, но тот замотал головой, поднял глаза. В них читалась тоска, боль и готовность на всё.

– Ты, жабий выводок, подговорил своего племянника думного дьяка изничтожить? Какая была в том корысть?

Дмитрий разинул рот, попытался что-то сказать, но вместо слов раздался хрип.

– Нет, все же перестарался, заплечник. Надо его веничком освежить.

Зашел несчастному за спину, встряхнул прутьями. С них посыпались искры и окалина.

– Не надобно, – тихо произнес Борис. – Оставьте дядю. Я убил думного дьяка.

– Вот как, – остановился царь. – И ради чего же?

Борис на некоторое время замолчал, наконец, произнес:

– Он меня обругал. Грязным татарником назвал.

– И ты сразу его же кинжалом и пырнул?

– Да. Ломайте меня на дыбе, а Дмитрия оставьте.

Царь задумался.

– И как же ты его зарезал? Ну-ка, Петька, развяжи его.

Когда Хомутов выполнил приказ, государь протянул Борису кинжал. Тот взял его в обе руки, расставил ноги, замахнулся с головы, сделал выпад.

– Где доспехи дьяка? – повернулся Иван Васильевич к опричнику.

Вскоре холопы притащили из холодной, где находился труп Никитина, его верхнюю одежду. Хомутов протянул доспех, состоящий из длинных кожаных пластин, сшитых жилами. Они полностью закрывали грудь.

Царь разложил окровавленную защитницу на столе, долго осматривал.

– Значит, размахнулся и вонзил? – снова обратился он к Борису. – Кинжал держал ровно или боком?

– Ровно.

– Верно помнишь?

– Верно.

– Поди сюда. Вот гляди – ни одна из пластин не повреждена. Выходит, с первого раза попал между ними.

– Выходит.

– Но ежели бы ты ударил, как показываешь, они были бы порезаны. Клинок-то вон какой широкий.

Борис молчал, но взгляда при этом не опускал.

– Эх, буслай болотный, врать не научился. Дядю выгородить желаешь, вместо него смерть принять не чураешься.

– Отпустите Дмитрия, я виновен. Меня пытайте. Дяди тогда вообще в слободе не было, он в селе мясу собакам покупал.

Хомутов кивнул:

– С Гришкой Чумным с псарни, где Димка обретается, и двумя опричниками.

Государь обошел Бориса, оглядел того с ног до головы. Хотел было приложиться железным веником по невозмутимому, но очень привлекательному лицу. В последний миг передумал.

– Твои вздорные слова, Бориска, тебя еще большим вором делают. Ежели бы я тебе поверил, то истинных проказников не установил, а значит, они по-прежнему угрожали бы мне. Оговорил себя, сознавайся!

– Оговорил, государь, дьяк сам на тесак напоролся. Отпусти Дмитрия.

Царь постоял немного, раскачиваясь на высоких каблуках (схиму-то носил, но сапоги предпочитал богатые), потом швырнул в угол раскаленный веник. Там что-то задымил, вспыхнуло. Опричник бросился тушить.

Сплюнув, государь вышел из избы. За ним почти тут же выскочил Хомутов.

– Что с этими-то делать? Запытать до смерти, али для казни публичной приберечь?

– Кровопийца ты и есть кровопийца. Малец за дядю живота готов был лишиться, теперь и за меня его не пожалеет. Мне такие людишки потребны. Бес с ним, с дьяком. Разберемся. Дмитрия к лекарю Руперту отвести, пусть травами и мазями отходит. А Бориске скажи, чтобы завтрева по утру ко мне заглянул. И чтоб ни одна душа об том. Понял?

– Уразумел, государь.

Иван Васильевич направился не в Покровскую церковь на молебен, а на столовый двор. В этот час там никого не было – ни кромешников, ни стрельцов, ни жилых. Губов уже показывал ему место, где нашли труп дьяка – со стороны конюшни, под навесом.

Обойдя вокруг трапезного стола, который от косого мелкого дождя был совсем мокрый, царь нагнулся возле лавки. Поковырял носком землю, почесал под бородой. Прибежала какая-то кривобокая собака, попыталась там же поднюхаться. Государь отогнал ее прочь, вновь принялся внимательно осматривать все у скамьи. Вдруг глаза его сверкнули, сузились. В комке жирной земли что-то блеснуло. Нагнулся, поднял. Это была позолоченная пуговица от кафтана. Такие носили сокольничьи, печатники, думные дьяки. На ушке пуговицы остался пучок ниток. Приблизив пуговицу к глазам, царь удовлетворенно хмыкнул – она была не оторвана, о срезана.

Еще несколько раз обошел стол. У крайнего столба, в желтой траве нашел серебряную московку, какими теперь платили кромешникам и прочим служивым. Те, конечно, охотнее брали новгородки, что равнялись двум московским денгам, но где на всех их напасешься! Казна почти пуста. Московки-то приходится рубить из тех запасов, что в Астрахани взяли. Ох, горе... Иван давно мечтал потрясти жирный Новгород, совсем заелся, от жира лопается. А подати зажимает. И что будет, ежели Рюриков град вообще полякам поклонится? Вот ить народец! При деде пятки лизал Казимиру – «...А держать тебе, честный король и князь литовский, Великий Новгород в воле людей вольных...» Тьфу! Теперь вот Сигизмунду собираются продаться.

Иван вдруг стало жарко. Содрал с себя схиму, протер монету о рукав желтой ферязи из персидской тафты, которая была под ней. Черт бы побрал это монашье облачение, чего грехи замаливать, когда все равно не замолишь! Вся спина от власяницы уже болит.

Денга отбросила луч выглянувшего солнца. Показалось, что сабельник на ней взмахнул своим клинком. Иван сжал монету в руке, скорым шагом вернулся в пыточную избу. Там все так же на дыбе висел и стонал Дмитрий, в углу с остановившимся взглядом сидел Борис. Заплечник что-то шкрябал пером на пергаменте. Царь схватил со стола кафтан дьяка Никитина, перебрал в руках, оглядел.

Найденная пуговица была от него. Срезана напротив дыры в кожаном доспехе. А отверстие в кафтане – чуть левее, у основания застежки. Значит, кинжал не резко вошел в дьяка, а еще успел поелозить под нагрудником.

Подхватил подмышку одежду и защитницу Никитина, ни слова не сказав, вылетел из избы.

У холодной стрельцы играли в кости. Увидев царя, подскочили, выронив медные монеты, опрокинули штофы с вином. Иван показал им кулак, но бить не стал, хотя те уже приготовились к оплеухам – Иван иногда любил сам поучить нерадивых холопов – на службе знай дело, а не развлекайся.

Оказалось, ключа от ледника у них нет, его унес староста Бакланов. Пока ключника искали, государь смиренно сидел на низкой колоде у сарая, думал о своём. «Бориска врет, не иначе. На крюках подвесить? Тверд, как камень, ишь за дядю вступился – „мучайте меня, а его оставьте!“ Дерзок, упрям, такой далеко пойдет. И что проку, ежели его изломать? Закроется, не выдаст подельников. Так и останется жало не вырванным. И, главное, кто этот змий? Или клубок змей? Димка жалок и ничтожен, не его это заговор плести. Неужто в самом деле Малюта? Нет. Не настолько прост Гришка, чтобы головой в омут. И яд ведь пустой братцу подсунул».

Накануне Иван велел отловить несколько бродячих псов. Лично скормил им мясо с «отравой». Так те ни сразу не сдохли, ни потом. А ведь будь зелье злым, замедленным, в другой раз уж и не притрунулись бы. Проверено.

«Значит, Малюта решил подставить князя Владимира. А потом поведать мне, что тот поддался его хитрым уговорам и взял яд для моего умерщвления. Смышлен. Хитер. Сначала Старицких моими руками извести, потом сына Ивана и под конец Шуйских. Хотя нет, Шуйские ему пригодятся. Как он еще с Рюриковичами породниться сможет? Опосля Володьки и Ивана Гриша Бельский возьмется за меня. Что ж, сие понятно. Но для чего думный дьяк Тимошка прискакал в слободу сломя голову? Что хотел сказать или показать? Кто его убил? А Малява молодец, не поддался. Как Васька Губов сказывал, тот в кабаке, выслушав его байку о чудодейственном целебном средстве для государя, взял да и засунул его себе в пасть. Ха-ха. Или Малява тоже лукавит, и он знал, что яд не настоящий? Ух, голова скоро лопнет от них от всех. Убегу к королеве. Но прежде дознаюсь, кто это бесчинство супротив меня учинил. Ну ладно я, грешный, упырь кровавый. На Россию замахнулись, на Русь святую! Изведут меня, кого посадят? Коклюшника, выжигу какого-нибудь. Не иначе, и впрямь из Шуйских. Весь их род на лжи держится – видите ли от второго сына Александра Невского пошли, а потому старшая ветвь, по сравнению с московской. Так долго верещали, пока их не задвинули. А теперь, представься случай, опять заголосят. А ить, как ни крути, имеют право на престол, ежели угаснет московская династия. Государство погубят дедом Иваном да царицей Софьей собранное, и себя на веки вечные проклянут. Везде тьма и смрад настанут. Но не бывать этому!»

Прибежал запыхавшийся староста, стал истово кланяться царю. Тот вырвал у него связку ключей, отпихнул. Сам отворил замок, сдвинул лязгающий засов. Швырнул ключи в физиономию Бакланова. Староста схватился за щеку, но не издал ни звука.

– Показывай дьяка, – велел царь.

Староста побежал по скользким ступенькам, крикнул из темноты стрельцам:

– Чего стоите, олухи, огня несите!

Под светом трех факелов, Иван принялся осматривать голое, желтое как китайская бумага тело дьяка Никитина. Ровная рана от кинжала находилась прямо под левым соском, там где сердце. Рядом – неглубокая, с полпальца величиной царапина. На лбу уже почерневшая шишка.

– Шелом на дьяке был? – спросил государь, с трудом разжимая кулаки Никитина.

– На седле висел, – с готовностью ответил староста. – Лбом-то он, видать, когда свалился ударился. А стряпчий Василий у него деньги забрал.

– Знаю, не трезвонь. Камней-то на столовом дворе нет. Земля одна мягкая.

– Мягкая, государь, – поддакнул Бакланов.

– Как же он тогда шишку набил?

– Не знаю, может, о край стола.

– Споткнулся, об стол башкой, а потом ровнехонько на кинжал?

– Так, видно.

– Коломесь дурной, тогда бы лезвие не вошло прямо, а рана ровная.

– Ровная, государь.

– А это что?

На разжатой ладони и пальцах дьяка были глубокие порезы.

– Где кинжал?

– Кинжал! – завопил староста.

Стрельцы побежали в пыточную избу и вскоре принесли обоюдоострый клинок Никитина, который ему подарил сибирский посланник.

Иван приложил лезвие к ладони дьяка. Ухмыльнулся.

– Видишь?

– Вижу. Что, государь?

– Перед тем, как клинок вошел Тимошке в грудь, он за него хватался. Ежели бы дьяк на него свалился невзначай, то он не успел бы этого сделать. Уразумел?

– Уразумел, государь.

Царь резко повернулся, пошел к выходу. За ним расторопно побежали стрельцы с факелами. Теперь ему было совершенно ясно, что думного дьяка убили. А Бориска врет.

На утро слобода узнала, что государь Иван Васильевич сильно занемог. Эта весть быстро долетела до Москвы и застала Малюту Скуратова, когда он, наконец, въехал с войском в Белый город. Известие сильно удивило и напугало Григория Лукьяновича. Ведь в коробице, которую он передал князю Старицкому был совершенно безобидный порошок – порох с мукой. А еще, как обухом по голове, когда он узнал, что в Александрове внезапно преставился думный дьяк Разбойного приказа Тимофей Никитин. В очередной раз схватил Бакуню за грудки:

– Всё ли сделал, как я велел?

– Молю тя, Григорий Лукьянович, – с испугу обронил тиун присказку хозяина. – Передал твое письмо дьяку ночью на Яузе, никто не видал.

– Ну, а до того, как с ним встрелся, как об том договорился? Надеюсь, в приказ не препирался?

– Обижаешь, Григорий Лукьянович. Мальчонку – сбитенщика за полушку нанял, научил, чтоб передал Никите, что его в темень у Лихой заставы ждут.

– Отчего же тогда Тимошка подох?

Бакуня развел руками:

– Так, видать, на роду написано.

– Дурень! – оттолкнул тиуна Малюта. – Попало ли письмо к царю, вот и ломай теперь голову. И от чего он занемог?

– На Торговой площади сказывают, ужо Филипп государя причастил, отходит.

– Да-а. Неужто князь Владимир порошочек подменил? Во, беда-то! Или не беда?

– Чего?

– Не напрягайся, лопнешь. И что с князем Старицким? – вслух рассуждал Скуратов. – Ежели письмо дошло до Ивана, то тот в Александрове под замком, а ежели...

– Чего ты гадаешь, Григорий Лукьянович, как девка перед рождеством. Здесь князь, под Москвой, в Воробьевой слободе, у сродственников.

– Откуда знаешь? – выкатил глаза Малюта. Его часто поражало то, что тиун ведаёт всё, что творится кругом. Ценил в том числе и за это.

– В Москве сорок много, на хвосте приносят.

– Та-ак, – протянул Скуратов и даже дернул себя за бороду. – Пряма Гандикап.

– Ты же в шахматы не умеешь, – заржал Бакуня.

– Внимательный очень. Пасть закрой. Седлай лучше.

Перед сумерками, когда по Москве уже начали расставлять сторожевые рогатины, Малюта вместе с верным Бакуней, отправился в Воробьеву слободу.

Хитрый план

Иван Васильевич лежал на широкой кровати в царских покоях. Темные занавесы на ней были плотно задернуты. Возле стоял митрополит Филипп, опираясь на тонкий, с костяными ручками посох. Он шептал молитву.

– Видать, отхожу, пресветлый, – произнес еле слышно государь.

– По грехом нашим и беды, – вздохнул Филипп. – За всё плата наступает. Облегчи душу, не томись. Туда, – указал он посохом на потолок, – кроме неё ничего не возьмешь. А она должна быть чиста, аки слеза младенца. Распусти опричнину, помилуй обреченных, покайся за невинноубиенных.

– Всё сделаю, Филипушка, токма оставь меня покуда, сил нет.

– Оставлю, государь Иван Васильевич. Крепись.

Митрополит собрался уже уходить, на пороге задержался:

– Меня зело судьба великой духовной ценности беспокоит, что с ней будет, ежели... О либерии бабки твоей Софьи размышляю. Кому она без тебя надобна окажется? Растащат, немцам проклятым продадут, а то и вовсе спалят.

– На тебя уповаю, святейший. На твою волю. Поступай как знаешь. Вывези её из Кремля хотя бы в Коломенское, да спрячь покуда в одной из деревенок.

– Так и сделаю, государь.

Слегка поклонившись, митрополит наконец вышел.

Из двери, что вела в столовую палату, тут же появился Василий Губов. На его лице играла широкая улыбка.

– Ишь, поверил, «распусти опричнину», «покайся за невинноубиенных». То же мне, советчик.

– Ну, зубоскал! – резко отдернул занавеску царь. – Не тебе, холопу, над Его высокопреосвященством насмехаться!

– А что, – пожал плечами стряпчий, – я ничего. Просто славно получилось с твоей хворобой. Москва, сказывают, как улей гудит. Филипп-то недаром о твоей либерии печется, не иначе Риму вернуть вознамерился.

– Для чего? – сел на кровати государь.

– Э-э, думаю, митрополит далеко глядит. После твоей кончины... прости государь, крошечники разбегутся, аки зайцы, а войско воевать в Ливонии перестанет. Заявится сюда беспрепятственно Сигизмунд Август, слева направо креститься заставит. Тут-то и выйдет Филипп во всей красе – я, мол, первый с Римом задружился, мне и честь.

Иван подумал, потом рассмеялся:

– Это ты, кажись, хватил. Филипп за православную веру голову отдаст. Хотя... Либерию все ж пусть в Коломенское свезёт, поглядим что далее делать станет. Мне она всё одно покуда без надобности. Давно бы следовало этого попа в каком-нибудь монастыре запереть. Хоть бы в Богоявленском.

– Для чего же возвысил?

– Народ его почитает. К тому же лучше иметь врага перед глазами, нежели за спиной. Всему свое время.

– На народ оглядываться, без порток останешься, а то и без башки, – ответил Губов и опустился на резной царский трон, который сам утром припер из приемной палаты. – Народ – что стадо баранов, куда погонят, туда и побежит. Когда он прав-то был? Только смуты устраивать. Потому господь и создал царей, чтобы этим стадом управлять.

Государь поднялся с ложа, подошел к столу, налил из шумерского бронзового кувшина с гнутым носиком вина.

– И ты уже примеряешься?

Василий испуганно соскочил с трона.

– Что ты, государь, я ненароком.

– Ненароком хрен с пророком, – захохотал Иван Васильевич. – Ладно, к делу. Более ко мне никого не пускать, болен и всё. Машку тоже, устроила тут балаган.

После заутренней прибежала Мария Темрюковна. Царица была уже хмельна. То ли от радости, то ли в самом деле от горя, не поймешь. Ивана всего слезами и соплями измазала. Пришлось терпеть, не прогонишь же жезлом, когда в бессилии пребываешь. Стонала, убивалась возле его ног, молила за всё простить, а напоследок приложила к шумерскому кувшину, икнула и исчезла.

– Веди Бориску, – приказал государь.

Из столовой палаты, которая соединялась лестницей с кухней, появился Годунов. Волосы взлохмачены, глаза горят, нос загнут как у ястреба. Ни испуга, ни почтения на лице. Правда, в дверях застыл, но не от робости, а от удивления – в царских покоях еще ни разу не доводилось бывать. Предполагал увидеть несказанное великолепие, а тут – тяжелые беленые своды, собранные в аляповатый лепной цветок, кровать, стол, да стул, каких кругом полно. Только резной трон говорил о том, что это царская опочивальня. И что самое удивительное – ни одной иконы.

Низко поклонился, приложив руку к груди.

– Как дядя? – подойдя к юноше вплотную спросил Иван Васильевич. – Оклемался после знакомства с Петькой Хомутовым?

– Медвежьим салом мажут, государь, – уклончиво ответил тот.

– Ты, гляжу, парень шустрый. Будешь мне верен, аки пес?

– До конца дней своих, государь.

– Ты дьяка-то угробил?

– Нет, государь.

– А кто?

– Не знаю.

– Вот и я не ведаю. Оттого и заболел. Видишь, еле на ногах стою?

Борис промолчал.

– Да токмо у меня ум ясный и рука тверда.

Царь схватил Годунова за черный чуб, притянул к себе. Оцарапал жесткой бородой.

– Пугать не буду, ты не пужливый. Станешь верно служить, опричником пожалуй. А то и главным. Заместо Малюты хочешь? Он, сказывают, супротив меня измену замыслил, ядом хотел отравить. Через повара мого Маляву.

– Как же это возможно, государь?

– А ты не перебивай, когда царь говорит. Ах, какие глаза...

Отпихнул Бориса, сел на стул.

– Об том, что я в здравии знает только Васька, Малява и теперь ты. Уразумел для чего?

– Нет, государь, – честно признался Годунов.

– Чтоб убить ядовитую змею, нужно на время затаиться. А вот когда она подползет ближе и раздавить сапогом. В коробке, которую должен был передать Маляве князь Старицкий от Малюты, яда не было.

– Во-от, как... Григорий Лукьянович хотел очернить князя в твоих глазах, государь, и тем больше возвыситься, – быстро догадался Борис. – Для того и дьяка к тебе послал. Тимофей Никитин должен был опередить князя. Раз коробица у тебя, значит, твой брат не передал её Маляве. Но ты вдруг смертельно заболел и теперь все в раздразе – почему, что произошло? Будут думать, что тебя все одно кто-то отравил, начнут выяснять отношения. Настоящий змий обязательно выползет на свет, государь.

Иван Васильевич даже цокнул несколько раз языком. Уже понял, что мальчонка умен, но такой проворной сметливости от него никак не ожидал. Встал, опять подошел к Борису. Внимательно его оглядел.

– Ну, да, – наконец произнес он, – а Тимошка Малюте всю игру попутал, взял да и напорлся на кинжал.

– Выходит так.

– Вот ты и распутаешь этот клубок.

– Я?! – воскликнул Борис, забыв что находится у царя.

– Завтра поедешь с Губовым в Москву. Он тебе всё расскажет. Васька, неси схиму, в подвал Троицкий молиться пойду.

– Ты же при смерти!

– Ах, да! – стукнул себя по лбу Иван Васильевич. – Тогда пошли оба вон, надоели.

Стража княжеского дома оказалась неприветлива и чрезмерна осторожна. Видимо, хозяин дал соответствующие наставления.

– Чего надобно, полуношники? Проезжайте, куда живы.

– Ты с кем так смел, басалай! – вертясь на сноровистом коне, крикнул в полутьму Бакуня. – Не видишь, кого спроваживаешь?

– А мне хоть ты сам Малюта. Не велено. Щас из пещали-то пульну, потом погляжу кто ты таков. Ха-ха.

Григорий Лукьянович слез с коня, подошел к стрельцу. Подъехал ближе и Бакуня. Тот наконец разглядел поздних странников. Челюсть так и отвисла.

– Что, в самом деле, и меня прогонишь? – сощурился Скуратов.

Стрелец тяжело сглотнул, выпучил глаза:

– Владимир Андреевич отдыхает. Утомился с дороги.

Другой страж уже спешно открывал ворота. Малюта взял под уздцы коня, неспешно пошел во двор. Бакуня, сплюнув под ноги стрельцу, последовал за хозяином.

Старицкий будто ждал гостей. Вышел на крыльцо. Дом его был построен в немецком стиле – почти ровный, как коробка, с темными продольными и поперечными перекладинами на белой стене, высокой крышей, без всяких резных и расписных излишеств.

– Как здоров, Григорий Лукьянович, не хвораешь ли? – весело спросил князь.

– Токмо твоими молитвами и пробиваюсь.

– Стараюсь, боярин, весь лоб за тебя уже перед образами измочалил.

Чего это он так веселится? – подумал Малюта. – Неужто и вправду порошок в коробиче подменил, отравы туда насыпал? Но как узнал, что там был не яд? На язык что ли попробовал? Или холопу скормил? С него станется. Но тогда меченная зернь у него в руках. Будет меня ломать. Поглядим.

Расположились внизу, в светлице. Впрочем, и она полностью напоминала польскую или литовскую комнату. Вместо печи – камин, на стенах гобелены с рыцарскими сражениями и охотой на львов. Малюта вспомнил свой тайный подземный дом на волжском острове. У него богаче. Хотя, князь-то здесь уже и не живет, так, бывает набегами, когда Иван позволяет в Москве бывать. Был у Старицкого дом и в Зарядье, но при последней опале царь его отобрал, устроил там Разбойный приказ. Теперь Владимир Андреевич мог обретаться только в Воробьево, где жили его родственники.

На этот раз Малюта не прогонял Бакуню, велел сидеть рядом. Это удивило князя, но возражать он не стал. В конце концов Бакуня, которого он хорошо знал, не черный холоп, а сын дворянина Ивана Плетнёва – Илья. Хотя все давно уже зовут тиуна по прозвищу Бакуня – или балабол. В насмешку, видать. Парень и со своими-то просто так и рта не раскроет, а уж с чужими...

– Чем обязан? – учтиво спросил князь, давая знак человеку поставить на стол кувшины с вином и уйти.

– А то не знаешь, – ухмыльнулся Малюта. – Царя-то, говорят, уже Филипп исповедал.

– Да ну?! – удивился то ли понарошку, то ли взаправду князь. – Ай, ай. Беда.

– Ты, Владимир Андреевич, заканчивай свои шутки. Я ить тоже шутковать умею. Сказывай прямо – зелье передавал Маляве?

Князь покрутил головой, будто она у него внезапно разболелась, размял пальцами шею. Его шейные позвонки хрустнули.

– Передал кому надо, – уклончиво ответил Владимир Андреевич.

– Отчего же тогда государь собирается с архангелами беседовать? В коробице-то мука да порох были.

– Знаю, Григорий Лукьянович.

– Знаешь?!

– Твой замысел я сходу раскусил. Не глупее тебя. Подставить ты меня решил, а сам на лихом белом коне оказаться.

Малюта отчаянно дернул бородой, стал её немилосердно чесать.

– Ты, видать, и дьяка Никитина к братцу послал, чтобы он его о моем кознодействе упредил, – продолжил князь. – Так ить? Раз Бакуня тут, знамо, он Тимошке от тебя весточку сию и передал. Токмо я проворнее вас оказался. Про зелье я сразу Ивану рассказал. И на тебя, само собой, донес. Кстати, повар честным оказался. Васька Губов пытался подсунуть ему зелье для государя, вроде как лечебное, от римских целителей. Да тот его себе в пасть засунул. Ха-ха. Царь ему за верность 70 рублей пожаловал, причем серебряными новгородками, и шубу с плеча. Сам-то в схиме ходит. Ходил.

– Та-ак, – протянул Малюта. – Хитер, князь, недооценил тебя. Отчего же Иван помирает? И почему тогда ты здесь прохлаждаешься, а не у его смертного одра?

– Велено никого не подпускать и близко. Слышал, даже Темрюковну не привечает. Не сегодня-завтра преставится.

– Откуда вестимо?

– Васька тут, в Разбойном приказе с кромешниками царскими шороху наводит. Пытается дознаться с чем Никитка к царю помчался. Тело его сюда приволокли. Пусть постарается. Для нас с тобой то не секрет. Так?

– Ну, – нахмурился Малюта.

– Для нас с тобой загадка кто и зачем Тимошку убил. Али и здесь твой хитрый ход?

– Думай что говоришь, князь, стал бы я дьяка изничтожать, коли сам его к царю спроворил.

– Это верно, – вздохнул Старицкий. – Что делать-то станешь, Григорий Лукьянович? Будешь ждать, покуда братец отойдет? Али все же в Александров наведаешься?

– Разберусь.

– Гляди, у царя хватит еще сил тебя на дыбу отправить. Думаешь, он поверит в твои сказки?

– Не до сказок ему теперь, коли Филипп уже вокруг него вороном вьется. А ежели царь представление устроил? Может, и не помирает вовсе. На все способный. Ты-то его еще в здравии застал?

– В полном. Велел мне покуда здесь находиться, не уезжать в Романово.

– Чудно. Ежели хотел тебя со мной лицом к лицу схлестнуть, зачем в слободе не оставил?

– Не любит он меня, вот и убрал до поры с глаз долой.

«Да-а, любить тебя не за что, – подумал Малюта. – Хитер зверь, просто так в ловушку не загонишь. Ну ничего, поглядим кто кого».

– Что боярская дума говорит? – спросил он.

– Знаешь ведь – до смерти правителя не потребно ничего обсуждать. Земство, сам сказывал, на моей стороне.

– Так оно аки ветер. Сегодня так, завтра эдак. К Сигизмунду надобно.

– Что?

– Что! Что! – вдруг вспыхнул Скуратов. – Как бы поздно не было! Нужен ты земским, как лягушке перья. Это я тебе тогда так, на уши соломы наплел. Помрет Иван, такой раздрай начнется... Одна надежда на короля. Хорошо бы он дал теперь Андрюшке Курбскому достойное войско и тот бы сидел на изготовке. Когда царь помрет, обойдет Полоцк и быстрым шагом сюда. Покуда многие наши стрельцы в Ливонии да на юге. Войско что я привел из-под Полоцка – так, разве для видимости.

– Не пойму тебя, Гриша.

Князь встал, расправил плечи. – Я, по-твоему, самоубийца? Опять же ты сам говорил, что ляхи меня первым на кол посадят.

– Пошутил я. Зачем Сигизмунду на троне Андрюшка? Он ведь знает, что народ его предателем считает. Ну посидит месяц другой, а опосля его на пики сбросят. Нет. Королю надобно, чтобы народ русский смирным был, а правитель в дружбе с ним. Через такого он свою веру постарается насадить, постепенно. А то поддержка Рима и большие деньги. Чуешь? Ты Сигизмунду нужен, князь. Ты!

Владимир Андреевич опять хрустнул шейными позвонками, задумался. Потом налил себе полный кубок вина, без продыху осушил. Закусывать холодной телятиной не стал, вытер рот рукавом.

– Верить тебе, Малюта, что скорпиону.

– А ты не верь, дело твое. Только здраво рассуди прав я или нет. То-то. Надобно письмо Сигизмунду сочинять. Бакуня его Андрюшке передаст.

– Чего же писать?

– Я потом скажу.

– А ежели царь комедию ломает? Возьмет завтра и на ноги встанет. Что тогда?

– Это мы выясним.

– Как?

– Над углями еще никто не молчал. Вот и Васька Губов заговорит.

На ночь Малюта с Бакуней в Воробьево не остались. Помчались в загородный дом Скуратова, что находился за Белым городом. Там боярин велел своим кромешникам немедленно разыскать царского стряпчего Губова и тайно доставить его к нему. Бакуня прищипорил коня и вместе с дюжими молодцами умчался в ночь.

Иван проснулся ни свет ни заря. Бока ломило – не привык спать на этой широкой, мягкой кровати. В слободе обычно простым топчаном с медвежьей ергачиной перебивался. Выглянул из-за плотной шторы. Прислушался. Никого. Опустил босые ноги на пол, отдернул. Холодно. Опять холопы палаты как следует не протопили.

Взглянул на ночной глиняный горшок. Жуть как хотелось воспользоваться, но нельзя. Узнают, что справлял в него нужду, всё поймут. А ить он при смерти. Неподвижен. Подошел к двери, которая вела в столовую палату. Лестница в нужник находилась за ней. Велено было наверху никому не находиться, чтобы не беспокоить царя. Дозволялось только немому татарчонку Аги, что должен был давать больному воду и куриного бульона. Собрался уже выскочить из покоев, но внизу раздались голоса. Они становились всё громче. С охранными кромешниками кто-то бранился. «С кем говоришь, холоп!» – донеслось отчетливо. «Да, ить с нас головы снимут!» «Кто? Гляди, чтоб я с тебя первым и не снял».

Топот на лестнице, что ведет со двора прямо в покои.

Выругавшись, государь нырнул в постель, задвинул занавески. В дверь ввалились не постучав, громко сопя. Подошли к кровати. Оттянули тряпицу.

– Государь...

По голосу Иван сразу узнал думного боярина Юрия Головина.

– Даже не шевелится, нос ишь как заострился, – сказал другой.

Сомнений не было, это – Илья Плетнев из бояр земских. Оба в силе, на Соборе их голоса веские.

Слетелись на умирающего льва, – подумал царь. – Шкуру заранее делить. Ну, ладно, послушаем.

Ему стоило большого труда не моргнуть и не пошевелиться.

– Кажись, совсем плох, – прошептал Головин.

– Что делать-то станем? Может, пора Собор созывать?

– Митрополит не позволит, пока душа с телом не рассталась. Но готовиться надобно. Сомнений нет.

– Кого кричать-то будем, Ивана?

– Квельый он, безликий, – ответил думный боярин.

– То-то и лучше. На кой нам Рига ливонская? Пора уж заканчивать там. Жили без балтийских податей и слава богу. Того и гляди Литва с Польшей объединятся и тогда нам крышка, до Москвы дойдут. Сигизмунд шутить не будет. А уж сразу супротив немцев, финов, шведов и Крымского хана нам точно не устоять.

– Не устоять, Илья Матвеевич, – вздохнул Головин. – И от опричнины сплошное разорение. У меня ить сколько отобрали, не сосчитать. Запомнится нам Иваново царство.

– Ох, запомнится, друже.

Плетнев протянул руку к лицу государя, помахал перед ним. Поднес ладонь к губам.

– Чуешь что-нибудь? – спросил Головин.

– Не пойму. Кажись тихо.

Иван Васильевич затаил дыхание, напрягся.

– Пощупай под скулой, – посоветовал Головин. – Бьется? А-а, дайкось я.

Он отстранил Плетнева и сам засунул два пальца под подбородок царю.

В этот момент левый глаз «больного» резко отворился. Он крепко перехватил руку Головина, сжал, вывернул.

Оба боярина отскочили прочь. Запутавшись в длинных полах кафтанов, свалились на спины, смешно задрав ноги.

Царь соскочил с постели, схватил, выроненный Плетневым посох.

– Сигизмунд, говорите, шутить не любит? А я шибко люблю.

Бил обоих с остервенением, роняя густую слюну, пока резной, с золотым обкладом посох, не обломился. Затем, отшвырнув палку, схватил бояр за воротники.

– То, что вы здесь сказывали, вам зачтется. А пока... Ежели кто узнает, что я в здравии, непотребники, лично каждому кишки вырву через поганые пасти. Уразумели?

Бояре в ужасе кивали головами, мычали непонятное.

– Ух, лободырники! – погрозил напоследок кулаком царь и галопом понесся в нужник.

Стрельцов, что пустили к царю бояр, выпороли на конюшне. Их сотнику Лямову Иван Васильевич лично намял физиономию. Тот только тарашил глаза и беспрестанно икал. То ли от обиды (он ведь герой Казани и Астрахани), то ли от удивления, что находящийся при смерти государь, столь проворен и силен.

С того момента кому-либо заходить даже в нижние этажи палаты запрещалось. Ну, кроме повара Малявы, его двух сподручных холопов и татарчонка Аги. Горыню, оказавшимся преданным человеком, посвятили в то, что болезнь царя не настоящая. Так надо. И ежели кто спросит,

говорить, что государь очень плох и уже никого не узнает. Он помогал Ваське Губову и Бориске Годунову собираться в Москву, везти туда тело думного дьяка Никитина. Готовил им харчи, промасливал тряпки деревянным маслом, в которые завернули Тимошку. Для чего повезли, не спрашивал. Хотя было очень забавно узнать. Ведь не было у Никитина в Москве никого, жил уже пару лет бобылем, после того как в проруби кануло все его семейство. Поехали весной на санях в Заяузь, да и провалились. Одни шапки выловили. Закопали бы дьяка на местном погосте и ладно.

Однако велено было устроить Никитину отпевание ни где-нибудь, а в Успенском соборе Кремля, а после похоронить со всеми почестями в Чудовом монастыре. Не каждый удостоивался такой чести упокоиться в стенах обители, возведенной в память о чудесном исцелении от слепоты Тайдулы, матери хана Золотой орды Джанибека. Прозрела она благодаря молитвам митрополита Алексия. Конечно, сему странному погребению пытался воспротивиться Филипп, но царь (когда еще был в «здравии») так грозно хлопнул посохом у ног святейшего, выругался так непотребно, что тот отступил. «Делай, государь, что считаешь нужным. Токмо думный дьяк Никитин и Новодевичьего погоста не заслужил». «А ты не лезь, Федор Степанович, куда тебя не просят, ежели не желаешь сам в какой-нибудь монастырь уже вскоре отправиться».

Расчет был на то, что пышные похоронные церемонии сильно озадачат злодеев. Выбьют из колеи. Ежели это и в самом деле козни Малюты, то он предпримет ряд необдуманных шагов и с головой себя выдаст. Так же поступят и остальные воры, когда узнают, что Никитку хоронят почти как святого. Значит царь ему шибко обязан, дьяк оказал ему неоценимую услугу. Но какую? Предупредил о заговоре и об отраве? Но тогда почему царь занемог, а Тимошку убили?

Никому более не позволялось беспокоить царя. Однако Ивана Васильевича очень огорчало, что такой попытки даже не сделал его сын Иван. Царь тайком припадал к узким окнам в надежде увидеть его подходящим к палатам, но тщетно. «Вот ить, шельмец. Мал, конечно, всего двенадцать годков, плохо смыслит. Но и Бориске немного, а вон какой прыткий. Даром, что у Ваньки покровитель святой Лествичник. Не в него добродетелью. Убить мало. Так бы посохом по лбу и дал!»

Порадовало царя другое. Неизвестно как в палаты под вечер пробрался, примчавшийся из Ливонии Федька Басманов. От него еще пахло порохом и стрелецкими обозами. Влетел в палаты вихрем, бросился к кровати, отдернул занавеску. А никого там не обнаружив, застыл столбом.

– Что, чернявый, потерял своего благодетеля? – захихикал Иван Васильевич, сидя на троне за колонной.

– Государь! – всплеснул по-бабьи руками Федор. – Как я рад, что ты в здравии и лепости!

– Какая уж тут лепость, когда воры кругом, извести меня, царя вся Руси, потомка Рюрика вознамерились.

– Кто? Где? – закрутился как ужаленный Басманов, словно «воры» попрятались здесь же по углам. – Дай мне их, растерзаю! Отца родного за тебя не пощажу.

Государь ухмыльнулся, встал с трона, обнял Федора за плечи:

– Отца своего предашь, предашь и царя.

Опричник сглотнул, не зная как реагировать на эти слова. Опустил голову на грудь царя.

– Боялся, что уж живым не застану. День и ночь коней загонял. Как весть получил, сразу сюда.

Государю теперь было не до нежностей, отстранил Басманова, снова уселся на трон.

– Потом. Что там с Ригой?

– Стоим, государь, в 50 верстах. Ежели бы не шведы, давно бы уж взяли. Они по ту сторону, на взморье. Посольство к тебе литовское собирается. Хотят Ливонию-то поделить между ляхами, шведами и нами.

– Что об том думаешь?

– Нам крохи предложат. Не потребно идти на стовор, Сигизмунд с королем Эриком все одно обманут. Меж собой дерутся, а главный враг – мы. Вышибли бы и шведов из Эстляндии, взяли бы Ревель, да сил маловато. Так что надобно делать так, как ты указал Земскому собору – воевать до полной победы.

– Да куда мне, убогому, земству указывать. Ты, Федор, со сродственниками постарался, уговорил.

Басманов зарделся, потупил глаза. Он очень любил, когда его Иван хвалил. А еще когда гладил по голове своими крепкими, длинными пальцами, перебирал ими его черные кудри. Теперь же понимал, что царь не намерен предаваться нежностям. А потому продолжил поделовому:

– Главное, чтоб хан Девлет Герай опять в спину не ударил. В прошлом году от Болхова-то отступил, а теперь не знамо что учинит. Может, снова на Рязань пойдет, а то сразу и на Москву. Важно, что ты цел.

Царь помолчал, выпил вина.

– Ты, Федька, в слободе останешься. Пока я не вернусь. Следи, чтоб в эти палаты ни одна душа, кроме Малявы не навевывалась. Ни Филипп, ни Темрюковна, никто. Костями ложись, но не пушай. Все должны быть уверены, что я здесь и тихо отхожу.

Басманов вскинул брови:

– Куда же ты собрался, государь? Возьми с собой.

– Верю тебе, но не надеюсь. Токмо на себя надеюсь. Никто кроме меня жало аспидное не вырвет. В Москву утром в монашеском наряде пойду. Один. Там измену искать стану. И это всё! Как сюда сейчас незаметно пролез, чуть свет меня и выведешь. Маляву я предупрежу. Приноси мне схиму странствующую, она в келье храма Богородицы. Позови сюда сотника Лямова, скажу ему, что в страже теперь ты главный.

– А он-то не проговорится?

– Я ему уже однажды объяснил – ежели пасть откроет, всё его семейство в кипятке сварю. Да ты еще попугай.

– Узнают тебя, государь, и в обличье чернеца.

– Бороду сбрею.

– Как же, инок и без бороды?

– Кому какое дело! Все, уймись, делай что велено.

Ранним утром из потайной калитки Александрова кремля вышел высокий, согбенный монах с надвинутым на лицо черным капюшоном. Он опирался на простую деревянную палку, за спиной его была небольшая дерюжная котомка. Монах быстро обошел стороной село и через овраг, опушкой почти опавшего леса, вышел на дорогу. Здесь он сбавил шаг и уже не торопясь направился в сторону Москвы.

Неожиданные повороты

– Кажись, пожаловали людишки Скуратовские, – потер руки Василий Губов, наблюдая за происходящем на дворе в край окошка. – Ну, да, вон Бакуня, а с ним еще с пяток лбов, что у Малюты на побегушках.

По дороге в Москву Василий с Борисом наметили приблизительный план действий. Несмотря на немалую разницу в возрасте, они сошлись на равных, запросто, и Губов часто ловил себя на мысли, что впервые встретил такого хорошего, умного приятеля. Мало того, он замечал что во многом юный Годунов брал над ним верх, но как ни странно не противился этому. Видимо потому, что Борис не навязывал своего мнения, не выпячивался, а просто говорил по делу более складно и взвешенно. Правда, сам Борис осознавал свое превосходство и не всегда гасил огонь в глазах, когда видел, что новый товарищ дивится его уму. А еще Василия поразила неожиданность в действиях Годунова. О чём-то говорит, а потом внезапно выхватывает из колчана стрелу и пускает её в белку на сосне. И прямо в глаз! Вот ведь чудо, а не стрелок. И когда, у кого научился к четырнадцати-то годам? Ну, если по виду, то ему, конечно, больше. Уже окрепший, сформировавшийся юноша. Или вдруг повернет коня и помчится сломя голову куда-то прочь, а потом вернется с флягой чистой воды из ручья. Предложит в первую очередь Губову. Ловок на коне, как татарин. А еще может неожиданно встряхнуть черные волосы и запеть песню, да так проникновенно и красиво, что даже кромешники у телеги с гробом оборачиваются и начинают одобрительно кивать.

Всего в отряде было десять человек. Все опричники – в шитых серебром кафтанах с траурными повязками на рукавах, с пиками и пищалями за спинами. Двое впереди скорбной повозки, остальные – позади. Встречный народишко кланялся, крестился, ломая шапки. Попадавшиеся по дороге всадники уступали дорогу, недоуменно глядя на процессию. Кого везут с такими почестями? Знать, важного почившего воеводу. Ну и упокой бог его душу.

– Малюта напуган, – говорил Борис. – И озадачен. Он не знает что творится на самом деле в Александрове. Гадает – болен ли вправду царь или прикидывается. Но раз он заварил эту кашу, неважно из каких побуждений, то уже не остановится. Будет дальше ломать князя Старицкого, подбивать его на новые злодейства.

– А что Старицкий? Он не дурень, – отвечал Василий. – Вон сразу прискакал к царю с доносом на Скуратова.

– Он ведает, что это его не спасет. Все одно Иван Васильевич от него избавится. Рано или поздно. Кроме него Рюриковичей на Руси остаться не должно. Всех боится, в первую очередь брата. И Ивана, сына своего, боится. И Федора младшего.

Государев стряпчий даже остановил коня, резко натянув поводья.

– Что ты хочешь этим сказать? На царя клеветать?

– Полно тебе, Василий Васильевич. Сам что ли слеп?

– Но... но откуда тебе это, отроку, всё вестимо?

– На конюшне знают всегда больше, нежели во дворце, – усмехнулся Годунов. – И не опротив царя я то говорю, а просто рассуждаю здраво.

Это был единственный случай по дороге в Москву, когда Василий разгневался на Бориса. Губов толкнул пятками коня в бока, сравнялся с Годуновым.

– Что же теперь он назовет Старицкому? – спросил он.

– Трудно сказать. Такое, что повяжет князя по рукам и ногам и уже не на шутку. С ядом это так, разминка была – клюнет Владимир Андреевич или нет? Не клюнул. Теперь же другое дело. Царь при смерти и действовать следует незамедлительно. Обоим. Вот в этом они сойдутся. Но для начала Григорию Лукьяновичу зело важно выяснить в каком состоянии государь.

Верно ли что помирает али разыгрывает? Зачем дьяка Никитина в Чудов монастырь тащим? Кто его ухлопал? И вот тут-то ему понадобится ты, Василий Васильевич.

– Не глупее тебя, Бориска, не задавайся, – без злобы ответил стряпчий. – На то и расчет. Я ить царя на то и надоумил.

– Да, но ты не просчитал далее. Так вот к тебе и приедет Малюта, вина привезет с закуской и в чинной беседе станет узнавать от тебя правду? Ага, шас. Он тебя на крюках подвесит и стегать будет до черной крови, пока все до крупницы не выложишь. А потом закопает. Зверь загнан и он уже ни перед чем не остановится. Даже ежели государь окажется в здравии, скажет, что ты – тайный литовский подслушник, ты и убил Никитина, чтобы нарушить планы верного Скуратова по разоблачению царских воров. А мертвый ты уже никак не оправдаешься.

– Хм. Действительно умен, Бориска. Токмо и это просчитано. Как Малюта узнает, что я в Москве, так сразу пришлет за мной своих людишек. Наверняка Бакуню.

– Кто он таков, Бакуня? Почему его приблизил Григорий Лукьянович? Расскажи мне о нём.

Бакуня происходил из дворянской семьи Плетневых. Его дядя, тоже Илья, выбился аж в земские бояре, а отец Михаил был сокольничим у царя. Ему помогал сын – птичек покормить и попоить, клетки почистить. Однажды сокол клюнул Михаила в глаз и так неудачно, что тот вытек. Ну лишился ока, подумаешь, многие безглазые ходят и не умирают. А вот Михаил взял и после этого помер. Видно, птичка какую заразу занесла. Вместо него соколами стал распоряжаться Илья. Чином сокольничего, конечно, не удостоили. Но он за этим и не гнался, честно выполнял свое дело и получал положенное жалование – три рубля в месяц новгородками. Возможно, когда-нибудь и стал бы ловчим или даже егермейстером и жизнь его бы также текла спокойно и размеренно при царском дворе. Но вот однажды случилось то, что повернуло её совсем в другое русло. Как-то на охоту вместе государем поехал Григорий Лукьянович Скуратов. Не любил он это времяпрепровождение, а тут надумал. Иван Васильевич пошел к реке Медведице охладиться, а Малюта принялся помогать людишкам накрывать стол на опушке. Рядом сустились дворяне и боярские дети – Вяземские, Головины, Басмановы. И тут из ельника на опушку вдруг выскочил огромный медведь. Всех разом как ветром сдуло, Скуратов же стоял спиной и не видел зверя. Когда люди ему закричали, обернулся, да было уже поздно. Прижал его косолапый к широкому дубу, так что и не увернуться, на задние лапы встал. Еще мгновение и конец бы Малюте, который только начал свою головокружительную карьеру в опричнине. Но тут, как из-под земли вырос Илья Плетнев. Со всего размаху ударил подвернувшейся палкой по голове медведя. Тот опустился на зад, закрутил головой, разбрызгивая желтые слюни. После второго удара, зверь подскочил и опрометью помчался в лес. Малюта вытер взмокший лоб, подошел к Илье.

– Как звать?

– Бакуня.

– Балаболишь много?

– Наоборот.

– Понятно. А по родичу?

– Илья Плетнев, сын Михайлов.

– Известная фамилия. Что ж, дворянский сын, отблагодарю тебя за смелость.

В тот же день Малюта выпросил у царя Бакуню к себе в помощники, как теперь говорили на свейский манер, в тиуны. «Платить ему сам будешь, – сказал царь. – Казна пуста». «Моя забота, государь». И не обидел Илью, положил ему в год аж 60 рублей серебряными новгородками.

– Не каждый дворецкий такую деньгу зашибает, – завершил свой рассказ Василий. Хотя и меня царь не обделяет. Не желаешь спросить сколько мне дает?

– Нет, – ответил Борис. – Ты лучше скажи, что собой представляет этот Илья. Жаден, расточителен, добр, злой, умен ли глуп, али просто никто?

– Я и сам пока до конца его не разобрал, нужды не было. Но не глуп это точно. Есть в нем что-то собачье. Больно предан.

– Собачье? – улыбнулся Годунов. – Это хорошо.

– Что же для нас хорошего? – я же догадываюсь к чему ты клонишь, – ни за какие деньги хозяина не продаст.

– А зачем собаке деньги? За золото не продаст, а за косточку, со всей душой.

– Как..? – сразу и не понял Василий, а когда дошло, щелкнул пальцами. – А ведь верно. За кость любой пес про всё на свете забудет. Да-а, Бориска, далеко пойдешь. Давай-ка я тебе изложу, что задумано.

В бывшие хоромы князя Старицкого Бакуня ввалился как к себе домой. За ним следом, в низкие, но широкие двери вошли опричники в красных кафтанах, с короткими бердышами. Им никто не препятствовал. Губов отпустил на ночь своих кромешников.

Не поздоровавшись и даже не кивнув, Бакуня уставился на Бориса.

– А это кто таков? Для утехи взял? Ха-ха.

– Тебе-то что за дело? – не смутившись, ответил Василий. – Говори за чем пожаловал.

– За тобой, не иначе. Григорий Лукьянович к себе требует.

– А он что за птица, чтобы меня, царского стряпчего, к себе требовать?

– Видать, жуть как понадобился. Ежели сам не пойдешь, велено силой доставить.

Бакуня кивнул опричникам и те двинулись к Губову.

– Вы бы не шустрили, – подал голос черноволосый мальчонка. Он отодвинулся от стола и Бакуня увидел открытый бочонок... с порохом. В руке парень держал тлеющий трут. – Кто торопится, тот богу не молится.

– Что ты, юнец? Охолопись, – сглотнул тиун Малюты.

Он был не из пугливых, но неожиданные повороты иногда выбивали его из колеи. Не надолго.

Опричники, увидев порох, опустили на лавки у стены, заморгали.

– Юнец-то тебе верно рассказывает. Ежели не желаешь в очередной раз разочаровать господу, уймись покуда, выпроводи своих людишек. Разговор имею. И не дури, балабол, нам все одно терять уже нечего.

Но кромешников и не надо было «выпроставивать». В следующее мгновение они уже толкались задами в дверях, пытаясь все разом выбраться наружу. Один из них обронил бердыш. Секира отскочила от стенки, упала на Бакуню. Как лезвием срезала часть воротника на кафтане, чудом не задев самого.

– Ладно, – вздохнул Плетнев, садясь за стол. Он не переставал боковым зрением следить за тлеющим трутом в руках юнца. «Вот ить, худоумец, как близко огонь к зелью держит. Рванет и сапог не сыщут. Что же надобно Ваське, раз на такую крайность сподобился? Не иначе, все заранее просчитал... а, значит... значит, царь али уже помер, али жив – здоровехонек и медовуху малиновую кушает. Хм...»

– Угощений не предлагаю, – сказал Губов. – Так вот. Ежели не желаешь вслед за своим хозяином на плаху отправиться, вникай в то, что я тебе поведаю. Государь мертв. В ночь на Святителя Петра и преставился. Отравил его твой Малюта. Помогал ему ты. Доволен?

– Я-я..., – замычал Бакуня, но так и не нашелся что сказать дальше. Одно дело разговоры в доме Старицкого – жив царь али нет, а тут сам Васька Губов об том говорит, да еще с бочкой пороха в обнимку. Серьезно. Опомнившись, начал креститься.

– Помер, значит..., – выдавил наконец Бакуня – ...Спаси его, господь... Отчего же колокола молчат?

– Успеется, – неопределенно ответил Василий.

– Понятно. Ждут, когда полки Басманова из Ливонии вернутся. Земские за Старицкого, думские – за сына Ивана. Федор – пустое место. Начнется...

– Да, могут Шуйских позвать. Али вообще похерят Рюриковичей. Чем, скажем, Годуновы плохи? – подмигнул Губов Борису.

– А что! – отозвался тот, – надел бы я шапку Мономаха, первым делом со шведами, ляхами да литовцами мир подписал. Надобно у них полезное брать, а не бодаться.

– Сопли подбери, – осадил его Бакуня. – Тоже мне, потомок Римских кесарей... И фитиль потушил бы что ли, баламошка.

Борис положил тлеющий трут на тарелку, подошел к Бакуне и со всей силы, двумя руками ударил его в ухо. Это стало полной неожиданностью не только для Плетнева, но и для Василия. Он открыл рот, а оглушенный Илья свалился со скамьи. Завертел головой, как тот медведь, от которого он спас Малюту.

– Больше меня так не обзывай, – прошипел Годунов. – Я ить дворянин, хоть покуда и на конюшне. Сломаю шею, не заметишь.

Василий помог Илье подняться, усадил на лавку.

– Видал, какой у меня сподручник? Суший Зевс-громовержец. А уж по уму прям император Юстиниан. Так что почти угадал. Итак, царь Иван Васильевич приказал долго жить, упокой бог его грешную душу... Теперь potrebno действовать быстро и решительно.

А государь вся Русь, живой и здоровый, тем временем уверенным шагом приближался к селу Клементьево, что вблизи Троицкого монастыря. Давно так долго не ходил, от напряжения левое плечо, которое всегда было выше правого, поднялось еще шибче. Со стороны могло показаться, что чернеца перекосило кривой болезнью. Но его яркие голубые глаза устали не знали.

В посадах обители, где его крестил игумен Иосаф, и которая несколько лет назад сгорела почти до основания, он останавливаться не стал. Пылало тогда так, что плавилась колокола, горела земля. Погибла монастырская казна. Но плакал Иван не по ней. А плакал, когда представлял как текут слезы пред огнем по лицам святых на иконах. И сердце его разрывалось. «Ох, не уберег вас, страстотерпцы... аз виновен, аз грешен...» Седмицу в Успенском соборе молился, сам по утрам и вечерам звонил в колокола, читал для поднятия духа Иоанна Златоуста и Жития Святых. Еле отпустило.

Нет, даже глядеть на стены обители страшно. А в посадах могут признать и без бороды. Ох, тяжело без неё. И как это глупые ляхи да немцы с голыми лицами живут? Холодно и чешется. «Надобно бы указ издать о запрете бритья бород. Токмо изменникам – латинянам оное гораздо».

В селе Клементьево был большой торговый двор. Здесь продавали горячие пироги, ржаную и пшеничную каши, сбитень, мороженое мясо лесных зверей и птиц. Кривоглазая бабка сунула ему в руку лепешку, кто-то протянул моченое яблоко.

Иван благодарно кивал, не откидывая капюшона, шептал молитвы. В полу схимы ему вцепился дурной калека, что-то мычал несуразное, плевался. Отодрать его помогли мальчишки, прогнали дурака пинками в канаву, откуда он продолжал изрыгать что-то непотребное. Вывалялся в грязи, стал показывать «монаху» фига. «Узнал что ли?»

За торжищем стояла корчма. У неё томились понурые ямщики. По всему было видно, что седы их не шибко одолевают. Туда и направился государь.

На входе столкнулся с целовальником. Тот перекрестился, сразу заявил: «Чернецов не привечаем. Но хлебушком и водицей не обидем». «И на том спасибо», – смиренно отвечал Иван. Он сел на краю длинного стола, уставленного тарелками с мясом и зеленью. Это все с аппетитом поедала ватага желтобородых мужиков в почти одинаковых светло-серых рубахах

из конопляного полотна. Некоторые были в войлочных конусообразных шляпах. Все крепкие, жилистые, злые – до еды и до разговора. То ли крестьяне, то ли посадские ремесленники, не поймешь. Как только государь сел на лавку, сразу услышал, что говорят о нём.

– Сказывают, Ивашка-то вовсе и не помирает, а давно уже к ляхам убёг, – говорил самый крепкий и верткий из мужиков. Он так усердно вращал глазами, что казалось они сейчас вывалятся.

– Отчего же к ляхам? – спросил другой. – Разве у шведов не лучшее?

– Оно, конечно, лучшее, но король Эрик не может простить ему Вильно. Ивашку никто не жалуется.

– А за что его жаловать? – встрял мужик с подбитым глазом, второе его око сильно слезилось. – Судебник навязал, а в нём одно непотребство. Вот у меня сосед козу украл, я его поленом пришиб, не до смерти, слегка, а он донес. Так за бесчестье 5 рублей требовали. А где их взять? Пришлось всю скотину продать. Во как.

– То ладно, – сказал другой. Его ухо было подвязано тряпкой. Он часто прикладывал к нему руку, морщился, видно там стреляло. – Митрополита Макария со свету сжил, духовника своего Сильвестра угробил, кремешников расплодил аки тараканов. Свои же своим кровь пускают. Народ в Ливонию с севера бежит, а с юга – к хану. Сказывают, у крымчаков-то и лучше. Дожили...

К Ивану, скрежещущему под капюшоном зубами, подошел хозяин корчмы, поставил перед ним большую миску с гречневой кашей, тарелку с хлебом и репой, кружку овсяного киселя и полштофа водки.

– Кушай, добрый человек, подкрепишься с дороги, да помолись за меня на досуге. Ежели не забудишь имя Ивана сына Григория.

– Не забуду, – ответил государь. – Очень даже не забуду.

А мужики тем временем продолжали судачить.

– Не ведаю, как там у крымчаков, – сказал самый пожилой из компании, – а нам бы точно конец, ежели Ивашка нами и долее правил.

Сидевший слева от царя крепкий светловолосый парень с прямым как у варяга носом и таким же четко очерченным подбородком, вдруг ударил кулаком по столу.

– А не стремаетесь такие речи вести, маракуши? Закудахтали, когда государь ослаб. Токмо бы помои во круг себя метать. Вот ведь, брыдлики скудоумные! О добре не помнят. А ить это Иван Васильевич вам, холопам земельным, Юрьев день устроил. Вы, грязное племя, по Судебнику теперя в правах наравне со всеми. Царь бояр жирных прижал, а вам вольности дал. Опричина-то для порядку. Казань и Астрахань взял и тем магометан прищучил. И про Макария и Сильвестра вы всё врете. Языки вам поганые бы вырвать.

– Что?! Кхе-кхе, – подавился куском хлеба лупоглазый мужик. Прокашлявшись, перегнулся через стол. – Кого оправдываешь, молодец, кровопийцу? Поди и сам таков. Токмо кончилось ваше времечко. Теперя народ своё слово скажет. А к нему бояре да дворяне прислушаются. Ежели нет, то сами кровью умоются.

– Князя Старицкого хотим, – сказал его приятель. – Он желает чтоб, как в Европе – сытно и чисто. И мы желаем.

– Морды свои для начала умойте, – ухмыльнулся парень. – Тоже мне, немцы, ха-ха.

– Умоем и причешем, ежели новый правитель потребует. Русский народ, он такой, ему поводырь нужен. На запад поведет – и ладно, Духа Святого от Отца и Сына примем, на восток – тоже ничего и к магометанству привыкнем.

– Ну это ты хватил, – возразил глазастый. – Веру мы свою предавать не станем, а жить аки немцы да шведы не прочь. И можем! Мы ить, русские, по крови-то варяги. Вона, в Новгороде, сыт народ, богат и почти по-немецки живет. Потому как близко к Европе. А Ванька войну в Ливонии затеял, опять супротив русских всех настропалил. И кто нас любить-то будет

опосля? Боятся нас, аки татарской орды. Презрением и срамом награждают. Он собирался еще в прошлом годе Новгород подпалить, последний вольный град изничтожить.

– Да куда уж ему, – сказал больной ухом мужик. – В Ливонии застряли. А сам Ивашка, сказывают, почитай уж несколько годов своей супружницы Темрюковны покрыть не может. Она к стрельцам да холопам за блудом бегаёт. Ха-ха.

Этого Иван Васильевич стерпеть уже не мог. Кровь прилила к голове, кулаки сделались каменными. Скинул монашеский капюшон, схватил ближайшего мужика за горло:

– Это кто Темрюковны покрыть не может?! Я что ли? Да ты, собака, у меня сейчас жабой заквакаешь!

В бритом, почти наголо остриженном чернеце никто государя, конечно, не узнал. Мужик перехватил его руку, попытался вывернуть, но не смог. Царь был крепок. Его его никто и никогда не мог одолеть в борцовских играх. Разумеется, поддавались, но его сила всегда была на лицо.

У мужиков тут же оказались длинные, словно полусабли, тесаки. Поднялись. Пришлось разжать руки на горле «собаки». Но отступить Иван Васильевич не собирался. Не в его правилах. Из-под рясы молниеносно выхватил кинжал сибирского хана, что принадлежал думному дьяку Никитину.

Дорогое оружие и прыткость чернеца произвели впечатление на мужиков, это их еще больше раззадорило. Они сбились в кучу и волчьей стаей стали наступать на Ивана. В этот момент светловолосый парень поднял скамью и, встав рядом с Иваном Васильевичем, принялся ею размахивать.

– Не дрейфь, монах, отобьемся, а нет, так за твои добродетели бог сразу тебя в рай определит, – сказал весело он. – Может, и меня за компанию.

Царь внимательно посмотрел на парня. Вот он-то действительно, как никто другой, походил на варяга, только с более мягкими, славянскими чертами. Глаза же его были настолько синими, яркими как звезды, что государь даже на мгновение зажмурился. А когда их открыл, то увидел, что они с молодцем прижаты к стене, а один из мужиков держит в руках короткую, с широким раструбом пицаль, на толстом деревянном ложе. Такие недавно начали ставить на кладбищах от воров. Только пицаль эта не имела кремневого замка, запаливалась она от фитиля. Он уже тлел.

Самое удивительное, но в последнее мгновение, а государь понимал, что оно сейчас настало, он не ощущал страха перед смертью. Его чувствительные ноздри раздирал запах серного фитиля и он готов был заплакать, что не может вырвать кадыки этим негораздкам.

Мужичина с пицалью ступил на шаг вперед, прижал ее к плечу. Его приятель начал подносить фитиль к запальному отверстию ствола.

Краем глаза Иван Васильевич заметил у входа какое-то шевеление, а затем кисть с фитилем чудесным образом отделилась от руки и с глухим шлепком упала на пол. Дитина с пицалью обмяк, повалился животом на стол. Остальным проказникам уже мяли бока и физиономии опричники.

Царь понял что произошло, лишь когда увидел Федора Басманова с окровавленной саблей.

– Ты?! – выпучил он глаза.

В них не было радости, одно изумление.

– Я, государь. Кажись, вовремя. Всех утырков повязать и в телегу, лично разбираться стану, – отдал он приказ стрельцам в легких осенних кафтанах.

– А что ты тут делаешь, Федька? – царь отер взмокший подбородок рукавом рясы. – Я ить тебе велел в Слободе сидеть, палаты мои стеречь.

На Федора и Ивана Васильевича все глядели с испугом и недоумением, в том числе и скрученные на полу «утырки». «Ца-а-рь, – выдал наконец из себя один из них. – Не может

быть...» Другие задергали ногами, запричитали: «Прости, царь-батюшка, по скудоумию сотворили!» Того что лишился кисти, сразу закололи, чтоб не орал.

– Не мог тебя одного отпустить, благодетель, – ответил царский любимец. – Сердцем чувал беду.

Прищурил свои синие глаза и варяг-молодец. Склонил пшеничную голову набок, пристально разглядывая Ивана.

– Государь? – спросил парень.

– Он самый, – ответил царь, подошел к нему, приобнял. – Спасибо, друже, за услугу и преданность отблагодарю. Как звать?

– Кашка. Димитрий сын Адамов. В кромешники записаться иду, скверну на Руси выводить.

– Адамов?

– Родич из свеев, мать от новгородских словен. А ты точно царь?

– Тебе что, метрику церковную показать?

– Чего же лысый, как коленка?

– Тебя не спросил, утырок, – буркнул Иван. – Федор, дай ему денег.

– Нет с собой, государь.

Царь по-простому задрал полы рясы, спрятал кинжал за широким кожаным поясом, подошел к Басманову.

– Ты, и без монет? А это что?

Он взял опричника за руку. На указательном пальце блестел широкий перстень из красного камня в золотой оправе.

– А-а, это я у шведа Ларсона, капитана королевских керасиров в кости взял.

Сказал и прикусил язык.

– Так, значит, вы в Ливонии воюете?

– Да нет, государь... я хотел... то было еще при Волыни.

– Ну, а коль при Волыни, тогда и ладно.

С этими словами государь принялся стягивать с пальца Федора перстень. Тот кривился от боли, но молчал.

Иван поглядел на камень.

– Рублев на шестьдесят потянет. А?

– На сто, благодетель, – ответил, хлюпая носом Басманов.

– Держи, Кашка, – протянул царь перстень парню. – Дал бы более, да, вишь, нет. Жалую сей же час опричником. Земельку земскую тебе потом подберу.

Казалось, Дмитрий всё ещё не верил, что перед ним государь всея Руси, которого в народе величают то Мучителем, то Грозным.

– Не надобно мне, – отстранил он руку с подарком. – Я ить не за деньги стоял, а за правду.

– Царево подношение отвергаешь?! – вскипел моментально государь.

– Точно, Грозный, – ухмыльнулся парень. – Коль ты царь и опричником нарек, возьми лучше к себе, предан буду.

– Хм. Шустер. Поглядим. А тебе, Федька, вот моя благодарность.

Царь со всего размаху ударил Басманова ладонью в лоб. Тот отскочил к стене, споткнувшись о лавку, растянулся на полу.

– За что, государь?

– Не смей более меня слушиваться. Ишь, надумал за царем следить! Твое дело собачье – приказали, выполняй.

Народишко в корчме все это время сидел притихший, не смея пошевелиться. Кабатчик и вовсе превратился в соляной столб, а когда царь «отблагодарил» Федора принялся беспрестанно икать.

Царь подошел к нему.

– И с тобой за хлеб-соль расплачусь, Иван сын Григорьев. Ну-ка, Федька, что там у тебя на деснице еще блещет?

Басманов не заставил себя ждать. Быстро стянул с пальца на другой руке перстень, правда, не такой богатый, протянул целовальнику. Тот низко поклонился сначала царю, потом опричнику Басманову.

– Что с обидчиками паскудными делать? – спросил как ни в чем не бывало Федор. – Сразу на кол посадить, али для начала попытать?

Государь устало махнул рукой:

– Да ну их, утопи просто в ближайшей речке и всё.

– Слушаюсь, Иван Васильевич.

– Отпустил бы ты их, – подал голос молодец Кашка.

– Как так? – раздул ноздри царь. – Для чего же воров-то отпускать?

– Да какие они воры? Так, ерпыли брыдливые. Ты ить и вправду дел бесчестных немало наворотил.

– Что?! – вскинулся Басманов и пошел на Дмитрия. Но царь его остановил.

– Ну, продолжай, – сказал он.

– Ослобони их, пусть помнят великодушие твое царское и об том народу рассказывают.

– Может, еще и наградить?! – не унимался Федор. – Они властелина Третьего Рима чуть живота не лишили!

– Награды, конечно, не достойны, веревки достойны. Но милосердие сильнее кнута.

– Ишь, мастер какой словесный. Тебе бы в монахи, а не кремешники. Отпустил бы, да ить при смерти я. Разве не слыхал? Разнесут, что здоровый. А то мне не надобно.

– Чудно. К чему тебе это? Хотя, то твое царское дело. Токмо кто им поверит, что они с самим царем в захоластном кабаке за одним столом сидели, да еще убить его собирались?

– Ладно, жизнь отнимать не стану, но и воли не дам. Федька, определи псоватых на Съяновские каменоломни. И все! А ты... Кашка сын Адамов, со мной пойдешь.

В кабак ворвался человек, обросший словно болотный нежить. На груди его болтался обломанный снизу деревянный крест.

– Други! – заорал он с порога. – Царь-государь Иван Васильевич помер! Осиротели!

Кто-то начал креститься, ошалело переводя взгляд с мужика на Ивана и обратно. Другие закашлялись, будто поперхнулись. Цирюльник сполз под стойку, прикрыв рот рукой. Он крестился неистовее всех.

– Помер? – поскреб голый подбородок государь. – Ну вот и ладнось, ну вот и слава богу. Сделалось так тихо, что слышно было ожившую на окне осеннюю муху.

– Все уразумели, что я помер?! – рывкнул вдруг царь. – Ну так-то, сермяжники, прощайте.

Оттолкнул волосатого «болотника», вышел из корчмы. За ним поспешил новоиспеченный опричник Кашка.

А в Разбойном приказе, что на Зарядье, продолжалась беседа стряпчего Губова с тиуном главного опричника Бакуней.

– Малюте по-любому конец, – говорил Василий. – Кто ж простит захудалому дворянишке Грише Бельскому, случаем выбившемуся в бояре, непотребные игры с самими Рюриковичами! Ни князь Старицкий, ни сын Иван, ни Шуйские не простят. Да даже ежели и не они займут престол, Малюте не простят обид. За его проказы многие захотят бывшего любимца государя живьем закопать. И так и сделают. А коль узнают, что это он Ивана Васильевича отравил, так народ его уже завтра на площади растерзает. У меня есть доказательство его кознодейства. Письмо. То, что ты передал дяку Никитину от Малюты.

– Так это ты его порешил?

– Он сам на кинжал напоролся, – быстро ответил за Василия Годунов. – Сам!

Плетнев заиграл желваками, лицо его сделалось желтым, как при лихорадке, а уши покраснели, словно их подогревали свечами.

– Да перестань же трутом махать перед бочкой! – не сдержался он в адрес Бориса. – Вся изба уже серой провоняла.

Годунов на это лишь рассмеялся. Но трут все же погасил, подпалив предварительно свечу от лампы под Богородицей. Он подошел к Бакуне.

– Ты сам-то читал сие послание? – тихо спросил Борис.

Вопрос прозвучал зло и даже угрожающе. Бакуня хотел возмутиться наглости юнца, но, вспомнив оплеуху, передумал. Он, конечно, не сомневался, что в миг бы разделался с этим наглым переростком, но теперь было не до того.

– Нет. Письмо печатей сургучовой было скреплено.

– Тебе ли она преграда?

– Не читал!

– И даже не ведал что в нём?

– Не ведал.

– Скуратов встречался со Старицким на днях?

– Только от него возвратились.

– Выкладывай, друже, об чем говорили, да всё в точности.

Бакуня вздохнув, передал разговор, что состоялся вечером в доме князя.

– Ага, – почесал лоб Годунов. – Теперь ясен следующий ход Малюты. Что ж, не будем его сдерживать. Ты сейчас же вернешься к хозяину, да токмо не сообщишь ему, что государь умер. Уразумел?

– Без Губова? Так Малюта меня прибьет.

– Скажешь, что решил попытать стряпчего самолично. И он подтвердил, что да, царь очень плох, что это никакой не обман и скоро отойдет, потому как... с ног до головы покрылся волдырями и черными пятнами. С Василием Васильевичем в приказе был я – Бориска Годунов. То подтвердят твои кремешники. А потом... потом вдруг я, юнец безусый, видно припадочный, бросился со свечой к бочке с порохом. Ты успел едва унести ноги, дом-то и взорвался. И нет более ни Губова, ни Годунова, коих царь послал устроить дознание в Разбойном приказе. Нет и тела дьяка Никитина, которое лежало в подвале приказа, а потому сгорело. Словом, концы в воду.

Бакуня покрутил головой, соображая, но так до конца и не понял смысла слов шустрого парня. Тот же продолжал:

– Малюта ждать не станет. Уже утром заставит князя написать письмо Курбскому. Повезешь его Андрею Михайловичу, вестимо, ты. Так вот, то послание передашь нам, а вместо него получишь иное. И смотри, тиун, не вздумай играть с огнем. Поверь мне, ежели оступишься, не то что костей, пепла опосля себя не соберешь.

Слышать такую угрозу от какого-то Годунова, Бакуне было невыносимо. Но понимал, что выхода нет.

– Где же мы встренемся?

– Недалеко от Белого города, в корчме, что Малява держит. Знаешь, поди? – это уже спросил Губов.

– А то. Токмо мне не понятно про бочку с порохом и пожар. Как же это?

– Да очень просто.

После этих слов Борис спокойно встал, выкатил из-под стола бочонок с огненным зельем, опрокинул на бок. Часть пороха высыпалась и Годунов сделал из нее длинную дорожку. Затем

так же спокойно поднес свечу к ее краю. Порох вспыхнул. Огненная змейка, шипя и разбрызгивая искры, поползла к бочке.

Бакуня глядел и не верил своим глазам.

– Что вылупился? – толкнул его в плечо Годунов. – Беги, покуда цел.

Только теперь до тиуна дошло. Он подскочил, как ошпаренный, бросился вон из избы.

А Василий и Борис, в свою очередь, поспешили из приказа через черный ход. Только успели выскочить и залечь в ближайшей канаве, как внутри дома громынуло так, что повывлетали окна. Приказ почти сразу охватило пламенем, который гигантским факелом осветил всё Зарядье.

Пробуждение второе. Неизвестность

Оператор Юра Головин проснулся от громких голосов. На своих рабочих местах сидели его коллеги и сосредоточенно что-то обсуждали, перебивая друг друга. На их бледных лицах было сильное напряжение.

– Может, что с центральной блокировкой дверей? – говорил Петя Вельяминов.

– Ну при чем тут двери, – горячился журналист Илья Плетнев, – когда и Софокл ни на что не реагирует! Вот!

Он хлопнул несколько раз в ладоши, пощелкал пальцами, дважды повторил свой личный пароль. Но компьютер не реагировал. Сбоку на виртуальном экране пылала двойная звезда Сердце Карла. Рядом – планета Энона. Причем, довольно внушительных размеров. На ней уже можно было разглядеть материки и океаны.

– Ничего не понимаю, – вглядывался в изображение Илья. – Так приблизиться к Эноне мы должны были лишь в конце третьего сна. Но ведь мы же не проспали лишнего, сегодня только 25 октября.

– Вот именно!

– Что за шум? – спросил, потягиваясь Юра. – Ну, братцы, доложу я вам, и бабахнуло в Разбойном приказе. До сих пор в ушах звенит. Вы тоже там были или с Иваном Васильевичем от упырей в кабаке отбивались?

– Да погоди ты, – оборвал оператора продюсер, даже не поздоровавшись. – Тут дело поважнее, чем галлюцинации обсуждать.

– Что стряслось-то, можете объяснить?

Головин отключил дистанционные датчики аппарата искусственного сна, опустил ноги на пол, обулся. Подошел к приятелям.

– Ну?

– Нет связи с командой корабля, отсек не открывается. Софокл молчит, как воды в рот набрал.

– Введите код экстренного выключения блокировки. Нажмите SOS наконец.

– Во, какой умный, – ухмыльнулся журналист. – Сразу видно из 16-го века.

– Ага. Приключение – закачаешься. Детектив что надо. Вы-то участвовали?

– Разумеется, – вяло ответил Илья. – Я проснулся, когда Борис порох подпалил. Все выжили-то?

– Порядок, не беспокойся. Теперь интересно как поведет себя Бакуня.

– Мужики, вы совсем очумели? – вспыхнул Петя Вельяминов. – Тут непонятное ЧП, а вы о сказках. Самое удивительное, что мы уже, видимо, давно в созвездии Гончих псов! А должны были находиться только у Волопаса. И Энона вон рядом.

Юра нажал на встроенный чип. Вспыхнул экран на руке. 25 октября, 20...года, 15 часов 21 минута по Гринвичу.

– Да-а, непонятно, – пробубнил он. – Станцию в Облаке Оорта запрашивали? По дополнительной линии.

– Вообще никакой связи нет! – закричал Илья. – Тебе сколько раз повторять?

– Не ори, живот простудишь.

– Извини.

Головин подошел к шлюзу, соединяющему отсек телевизионщиков с остальным кораблем, прислонил к нему ухо. Постучал кулаком, потом ударил мыском ботинка:

– Эй, люди!

– Бесполезно, – вздохнул Илья. – Я уж тут об него чуть ли не головой бился. И Софокла перезагружал. Молчит, окаанный.

– Кто же управляет адмиралом?

Корабль назывался «Врангель», по имени мореплавателя и полярного исследователя адмирала Фердинанда Врангеля. Журналисты называли борт просто – «адмирал».

– В этом-то и загадка, – ухмыльнулся Плетнев. – До Эноны всего 658 тысяч километров. И мы к ней не только тупо приближаемся. Адмирал постоянно корректирует курс. Мечется, как... Малюта Скуратов.

Юра взглянул на виртуальный экран. По его углам бежали цифры расстояния, градусов отклонения по вертикали и горизонтали.

– Ау, Софокл! – крикнул Головин. – Отзовись!

Но компьютер упорно молчал.

– Вы как хотите, а я есть желаю. После бурных приключений в животе, словно в пустом бидоне.

Юра направился в отсек за перегородкой, который служил журналистам столовой. Здесь пять раз в сутки, в определенное время появлялось меню и каждый мог выбрать блюдо на свое усмотрение. Неизвестно кто готовил пищу, но она всегда была разнообразной и вкусной, как на Земле. Кофе, воду и напитки можно было получить прямо на рабочем месте. Оператор нажал на кнопку у своего кресла, чтобы взять любимое «руссиано», но ничего не произошло, шторка шкафа с напитками не отодвинулась. Тогда он прошел в столовую и оттуда раздался его возмущенный голос:

– Похоже, нас решили уморить голодом! Но прежде мы скончаемся от жажды.

Юра вернулся в зал.

– Эх, жаль, не узнаю чем закончилась история. Кто, черт, возьми, все же ухлопал дьяка Никитина? Вы в образах пребывали или со стороны наблюдали, как я?

– Со стороны, – ответил Илья.

Вельяминов же промолчал, продолжая следить за приближением к планете Энона.

– Странно, – сказал он.

– Что? – спросили сразу и Юра, и Илья.

– Скорость адмирала непостоянная. То 28 километров в секунду, то резкое замедление до 5. Э...Э! А это еще что?

Цифры на экране стремительно побежали. 250 километров в секунду, 300. Диск Эноны увеличивался на глазах. Тысяча, полторы...

– Похоже, нам крышка, – сглотнул Петя. – Долетались. Еще пять-семь минут и мы в лепешку.

– И никто не узнает, где..., – спокойно пропел Юра. – Печально. Пополним список погибших телевизионщиков.

– Что-то не хочется, – так же невозмутимо сказал Илья. – А ведь я мог и отказаться от командировки, никто не навязывал.

– За длинным рублем погнался, не иначе.

– Все вы операторы – меркантильные жлобы, – парировал Плетнев. – А за идею поработать не пробовал?

– За идею только дураки вкалывают и глупые журналисты, – заржал оператор.

– Да успокойтесь вы! – рявкнул продюсер. – Как сойдутся... дети малые. Пора молиться, а они зубоскалят.

– Я всегда подозревал, что ты тайно посещаешь синагогу, – не унимался Головин. – Чего теперь ахать? Поздно. Какая там скорость? Ага, 3 тысячи.

Энона теперь занимала весь экран. На её орбите были видны длинные фермы орбитальных комплексов и станций. Пронеслись сквозь облака.

– Обнимемся что ли на прощание, – предложил Головин и положил руку на плечо журналиста.

– Да иди ты..., – отстранился тот. – Да, ребята, похоже, крышка.

Экран вспыхнул, будто взорвался. В зале погас свет. Воцарилась полная тишина. Первым голос подал Юра:

– Кажется, живы. И где мы?

Илья первым догадался включить наручный браслет. Синий свет осветил помещение. Его примеру последовали остальные. Вдруг появилось слабое аварийное освещение. Загорелся экран компьютера, но никакого изображения на нем не было, только белая «простыня».

«Добро пожаловать на планету Энона в двойной Солнечной системе Сердце Карла созвездия Гончих псов, – внезапно раздался голос Софокла. – Расстояние от Земли – 114 световых лет, 29, 64 в параллаксе. Газовый состав атмосферы в норме, температура за бортом +28 градусов по Цельсию, давление 780 миллиметров ртутного столба».

Софокл замолк, экран погас. Щелкнули замки шлюза. К нему тут же подскочил Юра, начал открывать. И дверь поддалась.

– Виктория, товарищи! Есть контакт, – воскликнул он. – Мы свободны. Ау, люди, мы тут! Нас не забудьте!

Однако из корабля не доносилось никаких звуков. Кроме того, в отличие от их отсека, в глубине не было и проблесков света.

Все трое осторожно двинулись вперед. Как только вошли в коридор, шлюз за ними закрылся, щелкнули запирающие замки. Наручные браслеты погасли. Откуда-то сверху раздался голос: «Сейное послание передашь токмо в руки Андрюшке Курбскому. Исполнишь всё аки велено, будешь князем. А нет – и в грязи себя не сыщешь. Так-то, дворянский сын. Ну, поспешай».

Григорий Лукьянович самолично поехал на запаление в Зарядье. Пожарно-сторожевая команда к тому времени уже закончила работу. Дюжие молодцы, в мокрых холщовых накидках и глубоких железных шлемах, сидели на повозках с бочками, отдувались, обтирали рукавами лбы. Возле них вертелась худая маленькая собачонка, то скулила, то подавала лапу. «А ну, поди, – отмахивался от нее старшина Есений, – башку-то отрежу, да на седло. В кромешники царские запишусь. Ха-ха».

Рядом стояла толпа зевак. Её бесцеремонно разрезали верховые.

Увидев Малюту с опричниками, старшина закашлялся. Поморщился как от зубной боли. Услышали шутку, нет?

От углей поднимались пар и дым. Жарко было будто в бане.

Малюта молча вошел на пожарище, стал бродить между уцелевшими остовами стен приказа, внимательно рассматривая головешки. Словно что-то искал.

На основании царского указа при строительстве домов в Москве бревна велено пропитывать известью. Да разве то спасает? В лучшем случае нижняя часть над фундаментом остается. Пожары... беда из бед. Летом 47-го года так полыхнуло от Воздвиженского храма на Арбате, что не только Китай-город да посады, но и сам Кремль почти полностью пропал. Народишку погубило – не счесть. Нашлись изменники-бояре, которые подговорили скудоумных людей, что бабка Ивана, княгиня Анна Глинская вырывала из могил покойников, вырезала у них сердца и таким образом подожгла Москву. Да-а... народ захватил в пределе храма Солунского князя Юрия Глинского, дядю Ивана, втащил в церковь и убил напротив места митрополита. Вся церковь в крови была. А потом выставили тело на торжище, как осужденного преступника. Изменники пытались уговорить народ идти в Воробьёво, убить Ивана за то, что он якобы прячет у себя мать князя Юрия Анну и его брата Михаила. Только бог и отвел – еле удалось уговорить бунтовщиков разойтись. Ну, а потом Иван Васильевич ждать не стал, сразу отомстил. И Федьку Нагого, и Гришку Захарьина, и Ваньку Федорова-Челядина на плаху отправил.

Обо всем этом думал Малюта, ступая по тлеющим еще углям.

– Проворно справились, – подошел он к Есению. – Могло бы и Зарядье полыхнуть, а там...

– Старались, отец, – поклонился староста. – И людишки подсобили.

– По пару рублей велю дать.

– Спаси тебя, благодетель, – опять склонился пожарный.

– А что, людишек-то много в огне сгинуло?

– Кто ж знает, пылало аки в топке бесовской. Но Жулька горелого мяса не учуяла, – указал он на тощую собачонку.

– Не учуяла, значит, – почесал желтую бороду Малюта и вдруг широко зевнул.

Ночь ведь не спал. Как только прискакал Бакуня и рассказал о случившемся в приказе, тут же помчался обратно к князю Старицкому. Тот, как ни странно, тоже бодрствовал и вновь будто его поджидал. На столе уже были приготовлены бумага и чернила. Григорий Лукьянович продиктовал князю письмо Курбскому. На манер того, как писал сам Андрей царю. Малюта совал нос в государевы послания при любой возможности. Впрочем, в последнее время Иван от своего главного опричника почти ничего и не скрывал.

«...Избиенные от рук государя, неповинно заточенные и прогнанные без правды, преданные мучительнейшим казням, у престола господня стоящие, вскоре получат отмщение. Государь и царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич на смертном одре, и вскорости предстанет пред судом бога нашего Иисуса. Аз, как потомок варяга Рюрика, приму бремя ответственности за царство Российское. Дам ему свет, рассеяв злобную тьму. Боголюбскими делами, добром и справедливостью верну тебя, Андрей Михайлович, восстановлю честь всем униженным, попраным и оскорбленным. А за убиенных тираном господу Всевышнему денно и ночью молиться станем и проклянём деспота. То будет отмщение наше, человеческое. За мной и земские, и многие числом остальные бояре и дворяне. И людишки меня привлекают. А потому призываю тебя, Андрей Михайлович, не мешкая просить у светлейшего короля Сигизмунда Августа, коим ты пожалован и утешен во всех печалях твоих, войско для похода на Московию. Скажи ему, что как токмо приму царство, уйду из Ливонии и более подати с балтийских земель требовать не стану, а с Польшей, Швецией и Литвой подпишу вечный мир. Полки же стрелецкие воспрепятствовать тебе не смогут, так как те, что стояли под Полоцком, двинутся под Псков. А другие, как тебе ведомо, в Лифляндии, Эстляндии и на юге. И вообще, среди опричных и стрельцов, по причине хворобы царя, раздрай. Смоленск минуй стороной, иди через Великие Луки на Вязьму, а там и на Москву. Жду твоей помощи, князь, и уповаю на милость восседающего на престоле херувимском, величайшего из высших, судью нашего Христоса. Аминь».

Князь Старицкий несколько раз перечитал послание, покрутил носом:

– Согласится ли Андрей?

– Вприпрыжку примчится. На костях-то врага своего поплясать. Потом и с ним разберемся, князь. Один раз предавший, другой раз сомневаться не будет. Надобно уже теперь слух пустить, что Иван помер. Быстрее птицы до немцев долетит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.